

Подборка произведений на русском и греческом языках.

Ερίκ Εμανουέλ Σμιτ
Αγαπητέ Θεέ

Μετάφραση: Αχιλλέας Κυριακίδης



Эрик-Эммануил Шмитт. Оскар и Розовая дама

Журнал "Театр" номер 3 за 2004 г.

Перевод Ирины Мягковой

Адаптированный текст подготовила Федорова Елена.

Смотрите еще материалы на <http://real-greece.ru/proza/knigi.html>

Στην Danièle Darrieux

Αγαπητέ Θεέ,

Με λένε Όσκαρ, είμαι δέκα χρονών, έχω βάλει

Πосвящается Даниель Дарье

Дорогой Бог

Μενα зовут Оскар, мне десять лет, я поджигал

<p>φωτιά στη γάτα, στο σκύλο, στο σπίτι (αν δεν κάνω λάθος έχω ψήσει και τα χρυσόψαρα), κι αυτή είναι η πρώτη φορά που σου γράφω, γιατί μέχρι σήμερα, λόγω του σχολείου, δεν είχα χρόνο.</p> <p>Σου το λέω ευθύς εξαρχής: σιχαίνομαι να γράφω. Για να γράψω, πρέπει πραγματικά να είμαι αναγκασμένος να το κάνω· γιατί το γράψιμο είναι γιρλάντα και στολίδι και μεταξωτή κορδέλα. Τι άλλο είναι το γράψιμο από ένα ωραιοποιημένο ψέμα; Το γράψιμο είναι για τους μεγάλους.</p> <p>Θες να σ' το αποδείξω; Ξανακοιτά λίγο πιο πάνω και δες πώς αρχίζω το γράμμα μου! «Με λένε Οσκαρ, είμαι δέκα χρονών, έχω βάλει φωτιά στη γάτα, στο σκύλο, στο σπίτι (αν δεν κάνω λάθος έχω ψήσει και τα χρυσόψαρα), κι αυτή είναι η πρώτη φορά που σου γράφω, γιατί μέχρι σήμερα, λόγω του σχολείου, δεν είχα χρόνο».</p> <p>Ε, δε θα μπορούσα να γράψω: «Με φωνάζουν Γλόμπο, δε δείχνω παραπάνω από επτά, μένω στο νοσοκομείο λόγω του καρκίνου μου, και δεν σου 'χω απευθύνει ποτέ το λόγο γιατί δεν πιστεύω ότι υπάρχουν»;</p> <p>Βέβαια, αν το γράψω αυτό, την πάτησα, γιατί θα δείξεις λιγότερο ενδιαφέρον για μένα. Κι εγώ το 'χω ανάγκη το ενδιαφέρον σου.</p> <p>Κι όχι μόνο αυτό, αλλά θα 'θελα να βρεις χρόνο να μου κάνεις και δυο-τρεις χάρες.</p> <p>Εξηγούμαι:</p> <p>Το νοσοκομείο, δε λέω, είναι ένα μέρος παρά πολύ συμπαθητικό, γεμάτο ευχάριστους μεγάλους που μιλάνε δυνατά, γεμάτο παιχνίδια και ροζ κυρίες που τους αρέσει να διασκεδάζουν με τα παιδιά, γεμάτο φίλους που είναι πάντα εκεί όταν τους θέλεις, όπως ο Μπέικον, ο Αϊνστάιν ή ο Ποπ Κορν. Για να μη σ' τα πολυλογώ, το νοσοκομείο είναι μια χαρά για έναν άρρωστο που το διασκεδάζει.</p> <p>Εγώ, όμως, δεν το διασκεδάζω πια. Από τότε που μου έκαναν τη μεταμόσχευση, το καταλαβαίνω: δεν το διασκεδάζω πια.</p> <p>Κάθε πρωί που μ' εξετάζει ο γιατρός Ντίσελντορφ, δεν το αντέχω πια, τον απογοητεύω.</p> <p>Με κοιτάζει αμίλητος, σαν να 'χα κάνει καμιά αταξία. Κι όμως, ήμουν τόσο συνεργάσιμος στην εγχείρηση! Καθόμουν φρόνιμος, τους άφησα να με κοιμίσουν, πόνεσα και δε φώναξα, πήρα όλα μου τα φάρμακα.</p>	<p>κοшку, собаку, дом (думаю, что при этом золотые рыбки поджарились), и пишу я тебе в первый раз, потому что раньше времени не было - из-за школы.</p> <p>Сразу же предупреждаю: сам я писать терпеть не могу. Только если заставят! Потому что ненавижу все эти закорючки, фестончики, росчерки и прочее. Лживые улыбочки и приукрашивание. Писать - это взрослые штучки.</p> <p>Чем докажу? Да хотя бы началом собственного письма: "Меня зовут Оскар, мне десять лет, я поджигал кошку, собаку, дом (думаю, что при этом золотые рыбки поджарились), и пишу я тебе в первый раз, потому что раньше времени не было - из-за школы"...</p> <p>А мог бы написать: "Меня зовут Лысый, на вид мне лет семь, живу я в больнице, потому что у меня рак, а не писал тебе, потому что не подозревал о твоём существовании".</p> <p>Но если бы я так написал, это произвело бы плохое впечатление, и ты бы не стал мною заниматься. А мне нужно, чтобы занимался.</p> <p>Меня бы вполне устроило, если бы ты нашел время оказать мне пару-тройку услуг.</p> <p>Сейчас объясню.</p> <p>Больница моя - классное место. Вокруг - куча взрослых, все - в отличном настроении и громко говорят; куча игрушек, розовых дам, которые развлекают детей, а также ровесников типа Эйнштейна, Попкорна или Копченого сала. Короче, если ты здешний больной, тут вполне можно словить свой кайф.</p> <p>Но у меня с кайфом больше не получается. После пересадки костного мозга с удовольствиями стало плоховато.</p> <p>Когда доктор Дюссельдорф приходит утром с обходом и не может прослушать у меня сердце, он страшно мною недоволен. Молча смотрит так, будто я провинился. Хотя я очень старался во время операции; хорошо себя вел, спокойно дал себя усыпить, мне было больно, но я не кричал, и все лекарства принимал послушно.</p>
---	--

<p>Είναι κάτι μέρες, όμως, που έτσι μου έρχεται να του φωνάξω κατάμουτρα, να του πω ότι μπορεί να φταίει κι αυτός ο ίδιος, ο γιατρός Ντίσελντορφ με τα μαύρα φρύδια, να φταίει αυτός που απέτυχε η εγχείρηση.</p> <p>Μα παίρνει εκείνο το δυστυχισμένο ύφος του, και δε μου πάει να τον βρίσω. Όσο πιο πολύ σωπαίνει ο γιατρός Ντίσελντορφ μ' εκείνο το λυπημένο βλέμμα, τόσο πιο ένοχος αισθάνομαι. Έχω καταλάβει ότι έγινα ένας κακός άρρωστος, ένας άρρωστος που δε θέλει να πιστέψει ότι η ιατρική κάνει θαύματα.</p> <p>Η σκέψη ενός γιατρού είναι μεταδοτική. Τώρα, όλοι στον όροφο —νοσοκόμες, βοηθοί, καθαρίστριες— με κοιτάζουν με το ίδιο βλέμμα.</p> <p>Έχουν θλιμμένο ύφος όταν είμαι σε καλή διάθεση· γελάνε με το ζόρι όταν λέω κάποιο αστείο. Είν' αλήθεια: δε διασκεδάζουμε πια όπως πριν.</p> <p>Μόνο η θεία Ροζ δεν έχει αλλάξει. Κι ούτε νομίζω ότι μπορεί ν' αλλάξει πια: είναι πολύ γριά.</p> <p>Τη θεία Ροζ, Θεέ, δεν έχω ανάγκη να σου τη συστήσω· πρέπει να 'ναι καλή σου φίλη, μια που η ίδια μου είπε να σου γράψω.</p> <p>Το πρόβλημα είναι ότι μόνο εγώ τη φωνάξω θεία Ροζ. Γι' αυτό, πρέπει να κάνεις έναν κόπο για να καταλάβεις για ποιαν σου μιλάω: είναι η πιο ηλικιωμένη απ' όλες τις κυρίες με τις ροζ μπλούζες που έρχονται απ' έξω για να περάσουν λίγο χρόνο με τα άρρωστα παιδιά.</p> <p>«Πόσων χρονών είστε, θεία Ροζ;»</p> <p>«Μπορείς να συγκρατήσεις αριθμούς με δεκατρία ψηφία, μικρέ μου Όσκαρ;»</p> <p>«Μα γιατί με πειράζετε;»</p> <p>«Δε σε πειράζω. Όμως πρόσεξε: κανείς εδώ δεν πρέπει να μάθει την ηλικία μου, γιατί, αλλιώς, θα με διώξουν και δε θα βλέπομαστε πια.» «Γιατί;»</p> <p>«Είμαι παράνομα εδώ. Υπάρχει όριο ηλικίας για τις ροζ κυρίες. Κι εγώ αυτό το όριο το έχω περάσει εδώ και καιρό.»</p> <p>«Έχετε λήξει δηλαδή, ε;»</p> <p>«Ναι.»</p>	<p>Бывают дни, когда мне хочется на него наорать, высказать ему прямо, что, возможно, это именно он, доктор Дюссельдорф, вместе с его черными бровями запорол операцию.</p> <p>Но вид у него такой несчастный, что обвинения застревают в горле. И чем дольше помалкивает опечаленный доктор Дюссельдорф, тем глубже чувствую я свою вину. Мне стало ясно: я - плохой больной, потому что мешаю уверовать в то, что медицина - это здорово.</p> <p>Наверное, мысли у врачей - заразные. И теперь весь этаж - сестры, практиканты и нянечки -- все смотрят на меня с таким же выражением, как и он.</p> <p>У них печальный вид, когда у меня хорошее настроение; они смеются через силу, когда я острою. По правде говоря, никто уже здесь и не шутит, как прежде.</p> <p>Не изменилась только Розовая мама. По-моему, она просто слишком старая, чтобы меняться. И еще - слишком Розовая она дама. Я тебя, Господи, с ней не знакомлю, потому что наверняка она - твоя хорошая подружка, поскольку именно она сказала, чтобы я тебе написал.</p> <p>Проблема только в том, что один я называю ее Розовой мамой. И тебе придется сделать усилие, чтобы понять, о ком именно я говорю. Так вот, из всех дам в розовых халатах, которые специально приходят в больницу - проводить время с больными детьми, она - самая древняя.</p> <p>- Сколько же вам стукнуло, Розовая мама?</p> <p>- А сумеешь ты запомнить число из тринадцати цифр, дружочек мой, Оскар?</p> <p>- Вы шутите!</p> <p>- Нет. Не надо, чтобы здесь знали мой возраст, а то прогонят, и мы больше не увидимся.</p> <p>- Почему?</p> <p>- Я здесь незаконно. Существуют определенные возрастные границы для розовых дам. И я их давно нарушила.</p> <p>- Ваш срок истек?</p> <p>- Да.</p>
--	--

<p>«Σαν γιαούρτι;»</p> <p>«Σσστ!»</p> <p>«Ο.Κ. Δε λέω λέξη.»</p> <p>Ήταν πολύ θαρραλέο εκ μέρους της να μου εμπιστευτεί το μυστικό της. Αλλά έπεσε στον σωστό άνθρωπο. Θα μείνω βουβός, ακόμα κι αν μου κάνει εντύπωση που κανείς δεν την έχει πάρει είδηση, με όλες αυτές τις ρυτίδες, σαν ακτίνες του ήλιου, γύρω από τα μάτια.</p> <p>Μια άλλη φορά έμαθα κι άλλο ένα μυστικό της, κι άμα σ' το πω, Θεέ, είμαι σίγουρος πως θα καταλάβεις ποια είναι.</p> <p>Περπατούσαμε στον κήπο του νοσοκομείου, και πάτησε σκατά.</p> <p>«Γαμώτο!»</p> <p>«Α, θεία Ροζ, λέτε κακά λόγια!»</p> <p>«Άκου να σου πω, σπότε, θα μιλάω όπως θέλω — εντάξει;»</p> <p>«Θεία Ροζ!»</p> <p>«Και κούνα τον κόλο σου! Βγήκαμε για βόλτα, όχι για να κάνουμε παρέα στα σαλιγκάρια!»</p> <p>Όταν καθίσαμε σ' ένα παγκάκι για να φάμε μια καραμέλα, τη ρώτησα!</p> <p>«Μα πώς γίνεται και μιλάτε τόσο άσχημα;»</p> <p>«Ας όψεται το επάγγελμα, μικρέ μου Όσκαρ. Στη δουλειά που έκανα, θα πήγαινα χαμένη αν μιλούσα με το σεις και με το σας.»</p> <p>«Και ποιο ήταν το επάγγελμα σας;»</p> <p>«Δεν θα με πιστέψεις...»</p> <p>«Σας ορκίζομαι ότι θα σας πιστέψω.»</p> <p>«Παλαίστρια του κατς.»</p> <p>«Δε σας πιστεύω!»</p> <p>«Άκου που σου λέω! Μ' έλεγαν η Στραγαλίστρια του Λανγκεντόκ.»</p> <p>Από τότε, όποτε είμαι λίγο κακόκεφος, η θεία Ροζ, αφού σιγουρευτεί ότι κανείς δεν μπορεί να μας ακούσει, μου διηγείται τους μεγάλους αγώνες της!</p>	<p>- Как у йогурта?</p> <p>- Тсс...</p> <p>- Ладно! Я никому не скажу!</p> <p>- Вот с такой отчаянной смелостью она доверила мне свою тайну. Но во мне она может не сомневаться. Я буду молчать, хотя мне и странно думать, что при виде морщин, которые, как солнечные лучи, окружают ее глаза, кто-то может ошибиться в ее возрасте.</p> <p>В другой раз я узнал еще одну ее тайну, и она уж точно поможет тебе, Господи, распознать мою Розовую маму.</p> <p>Гуляем мы как-то в больничном саду, и она вляпывается в грязь.</p> <p>- Блин!</p> <p>- Мадам, это нехорошее слово.</p> <p>- А ты, мальчишка, не встревай, я говорю, как хочу.</p> <p>- О!</p> <p>- И пошевеливайся! У нас ведь прогулка, а не черепашии бега.</p> <p>Когда мы с ней присели, чтобы закусить конфеткой, я ее спросил:</p> <p>- Как могло случиться, что вы употребляете подобные слова?</p> <p>- Издержки профессии, дружок мой, Оскар. В моем ремесле я бы не выжила, если бы выражалась слишком уж деликатно.</p> <p>- И какая же была у вас профессия?</p> <p>- Ты не поверишь...</p> <p>- Клянусь, что поверю...</p> <p>- Вольноамериканская борьба.</p> <p>- Не может быть!</p> <p>- Кетчистка я, говорят же тебе. Меня даже прозвали Лангедокская потрошительница.</p> <p>Позднее, когда меня одолевали мрачные мысли, а она была уверена, что никто нас не подслушивает, Розовая мама рассказала мне о</p>
--	--

η Στραγγαλίστρια του Λανγκεντόκ εναντίον της Χασάπισσας του Λιμουζέν, τους αγώνες της επί είκοσι χρόνια εναντίον της Διαβολικής Σινκλέρ, μιας Ολλανδέζας που είχε οβίδες αντί για στήθια, και ειδικά τον αγώνα για τον τίτλο της παγκόσμιας πρωταθλήτριας εναντίον της Ούλα-Ούλα ή Σκύλας του Μπούχενβαλντ που δεν είχε ηττηθεί ποτέ, ούτε καν από τα Ατσάλινα Μπούτια, το ίνδαλμα της θείας Ροζ όταν ήταν παλαιίστρια του κατς.

Εμένα μ' αρέσει να τ ακούω όλα αυτά, γιατί φαντάζομαι τη φίλη μου πάνω στο ρινγκ (αλλά έτσι όπως είναι τώρα: μια γριούλα με ροζ μπλουζά που δεν πατάει πολύ γερά στα πόδια της) να ρίχνει στο καναβάτσο τις δράκαινες με τα μαγιά. Βάζω με το νου μου ότι είμαι εγώ. Εγώ είμαι ο δυνατός.

Παίρνω εκδίκηση.

Ε, τώρα, αν με όλα αυτά που σου είπα για τη θεία Ροζ ή Στραγγαλίστρια του Λανγκεντόκ, δεν έχεις καταλάβει ακόμα ποια είναι η θεία Ροζ, τι να σου πω... πρέπει να σταματήσεις να είσαι Θεός, και να πάρεις σύνταξη. Πιο σαφής δεν μπορώ να γίνω.

Ξαναγυρίζω στα δικά μου.

Η μεταμόσχευση, που λες, δεν πήγε και πολύ καλά. Ούτε κι η χημειοθεραπεία μου πήγαινε καλά, αλλά αυτό δεν πείραζε πολύ, γιατί όλοι εδώ είχαν ρίξει τις ελπίδες τους στη μεταμόσχευση. Τώρα μου φαίνεται ότι οι γιατροί δεν ξέρουν τι να προτείνουν, για να μη σου πω ότι έχουν αρχίσει και να με λυπούνται. Ο γιατρός Ντίσελντορφ, που η μαμά τον θεωρεί τόσο όμορφο αλλά εγώ βρίσκω ότι παραέχει μεγάλα φρύδια, δείχνει σαν Άι-Βασίλης που του τέλειωσαν τα δώρα.

Η ατμόσφαιρα χειροτερεύει και πάει. Μίλησα γι' αυτό στο φίλο μου τον Μπέικον. Ο φίλος μου, για να λέμε την αλήθεια, δε λέγεται Μπέικον λέγεται Ιβ, αλλά εμείς τον φωνάζουμε Μπέικον που του πάει γάντι, αφού είναι ψηλός κι όλο καμάριατα.

«Μπέικον, μου φαίνεται ότι οι γιατροί δε μ αγαπάνε πια — τους φέρνω στενοχώρια.»

«Ιδέα σου είναι, Γλόμπε! Δεν παθαίνουν τίποτα οι γιατροί. Το μυαλό τους κατεβάζει συνέχεια εγχειρήσεις. Εμένα, ας πούμε, μου έχουν υποσχεθεί τουλάχιστον έξι.»

своих важнейших матчах: Лангедокская потрошительница против Лимузинской колбасницы. Или о своем двадцатилетнем соперничестве с Дьяволицей Синклер, голландкой, у которой, вместо грудей - два снаряда. И в особенности - о кубке мира, где она сражалась с Улла-Улла по прозвищу "Бухенвальдская сука", которую никто прежде не сумел одолеть. Не удалось это даже Стальным ляжкам, идеалу моей Розовой мамы, когда она была кетчисткой.

Я этими сражениями просто грезил, воображая, как на ринге моя подружка в нынешнем ее виде - маленькая, старенькая, в розовом халате, с дрожжащими руками - колошматит одну за другой великанш в спортивных майках. Я видел себя на ее месте. Я становился сильнее.

Я чувствовал себя отомщенным.

Итак, если со всеми этими подсказками ты, Господи, не сумеешь вычислить Розовую маму, значит, тебе пора на пенсию, и ты больше не годишься для своей роли. Мне кажется, я был предельно ясен?

Возвращаюсь к своим делам.

Повторяю, моя пересадка многих здесь расстроила. Химия тоже не обрадовала, но тогда была надежда на пересадку, и все выглядело не так безнадежно. Теперь же у меня впечатление, что лекарям просто нечего предложить, хотя они меня и жалеют. У доктора Дюссельдорфа, которого мама считает красавцем, а по мне - так он слишком уж бровастый, у него такое несчастное выражение лица, будто он Дед Мороз, у которого не хватило на всех подарков.

Атмосфера уже не такая хорошая. Мы говорили об этом с моим приятелем Копченое сало. На самом деле его зовут Ив, но мы его прозвали Копченое сало, это больше ему подходит, потому что ему сильно досталось от огня.

- Сдается мне, Копченое сало, что врачам я перестал нравиться, у них от меня портится настроение.

-- О чем ты, Лысый! Врачи несокрушимы, и их всегда преодолевают желания, как бы где чего прооперировать. По моим подсчетам, мне они предлагали операции, по крайней мере, шесть раз.

<p>«Θα τους εμπνέεις...»</p> <p>«Εμένα μου λες!»</p> <p>«Μα γιατί δεν μου λένε ξεκάθαρα ότι θα πεθάνω;»</p> <p>Και τότε, ξαφνικά, ο Μπέικον έκανε ό,τι κάνουν όλοι στο νοσοκομείο!, κουφάθηκε. Αν πεις τη λέξη «πεθαίνω» μέσα σ' ένα νοσοκομείο, κανείς δεν ακούει.</p> <p>Μπορείς να είσαι σίγουρος ότι θα βρουν εκεί μια δικαιολογία και θ' αλλάξουν κουβέντα. Έκανα το τεστ με όλο τον κόσμο — εκτός από τη θεία Ροζ.</p> <p>Σήμερα το πρωί, λοιπόν, θέλησα να δω αν κι αυτή γίνεται περήφανη στ' αφτιά την κρίσιμη στιγμή.</p> <p>«Θεία Ροζ, γιατί δε μου λέει κανείς ότι θα πεθάνω;»</p> <p>Με κοιτάζει. Άραγε θ' αντιδράσει όπως οι άλλοι; Αχ, σε παρακαλώ, Στραγγαλίστρια του Λανγκεντόκ, μείνε μαζί μου, κράτησε ανοιχτά τ αφτιά σου!</p> <p>«Και γιατί να σ' το πουν αφού το ξέρεις;»</p> <p>Ουφ! Άκουσε.</p> <p>«Μου φαίνεται, θεία Ροζ, ότι στο μυαλό τους έχουν άλλο νοσοκομείο από αυτό που είναι στην πραγματικότητα. Κάνουν θαρρείς και τα νοσοκομεία είναι μόνο για να μπεις και να γίνεις καλά, ενώ τα νοσοκομεία μπορεί να 'ναι ακόμα και για να πεθάνεις.»</p> <p>«Έχεις δίκιο, Όσκαρ. Πιστεύω, μάλιστα, ότι το ίδιο λάθος κάνουμε και για τη ζωή. Ξεχνάμε ότι η ζωή σπάει, ότι η ζωή, απ' τη μια στιγμή στην άλλη, γίνεται χίλια κομμάτια, ότι η ζωή είναι εφήμερη. Κάνουμε όλοι σαν να ήμαστε αθάνατοι.»</p> <p>«Η εγχείρηση μου απέτυχε, θεία Ροζ — έτσι δεν είναι;»</p> <p>Η θεία Ροζ δεν απάντησε. Αυτός ήταν ο τρόπος της να λέει «ναи». Όταν σιγουρεύτηκε ότι είχα καταλάβει, με πλησίασε και μου είπε, με τόνο παρακλητικό:</p> <p>«Εγώ, φυσικά, δε σου είπα τίποτα. Μου τ' ορκίζεσαι;»</p> <p>«Ορκίζομαι.»</p>	<p>- Может, ты вызываешь у них вдохновение.</p> <p>- Надо думать.</p> <p>- Но почему бы им просто не сказать, что я скоро умру?</p> <p>И тут Копченое сало повел себя точно так, как все в больнице: он оглох. Стоит в больнице произнести слово "смерть", как все перестают тебя слышать.</p> <p>Будь уверен, в ухе у собеседника тотчас возникнет воздушная пробка, и он переведет разговор на другую тему. Я уже на всех это проверил. Кроме Розовой мамы. В то утро я хотел убедиться, станет ли и она тугоухой после моего вопроса.</p> <p>- Розовая мама, мне кажется, никто не хочет мне сказать, что я скоро умру.</p> <p>Она глядит на меня. Будет ли ее реакция, как у других?</p> <p>Прошу тебя, Лангедокская потрошительница, держи ушки на макушке, не глохни!</p> <p>- А зачем тебе, Оскар, это говорить, если ты и сам все знаешь?</p> <p>Уф, услышала!</p> <p>- Розовая мама, мне кажется, что они придумали другую больницу, вместо той, что существует в реальности. Они ведут себя так, будто в больницу приходят только выздоравливать. Но ведь на самом деле здесь и умирают.</p> <p>- Ты прав, Оскар. Думаю, то же заблуждение касается и жизни. Мы забываем, что она эфемерна, непрочно, брэнна. И притворяемся бессмертными.</p> <p>- Мне сделали неудачную операцию?</p> <p>Розовая мама не ответила. Это был ее способ ответить утвердительно. Убедившись, что я понял, она подошла и спросила умоляющим голосом:</p> <p>- Я ведь ничего тебе не сказала? Ты не проговоришься?</p> <p>- Ни за что!</p>
--	--

<p>Σωπάσαμε για ένα λεπτάκι, ίσα-ίσα για να κατασταλάξουν αυτές οι καινούργιες σκέψεις. «Δε γράφεις κάνα γράμμα στο Θεό, Όσκαρ;»</p> <p>«Α, όχι, θεία Ροζ! Όχι κι εσείς!»</p> <p>«Τι όχι κι εγώ;»</p> <p>«Όχι κι εσείς! Δε σας είχα για ψεύτρα.»</p> <p>«Μα δε σου λέω ψέματα!»</p> <p>«Τότε γιατί μου μιλάτε για το Θεό; Δε φτάνει μια φορά που μου τη φέρανε με τον Άι-Βασίλη;»</p> <p>«Όσκαρ, τι σχέση έχει ο Θεός με τον Άι-Βασίλη;»</p> <p>«Άκου "τι σχέση έχει!" Δεν είναι η ίδια πλύση εγκεφάλου και τα ρέστα;»</p> <p>«Κι εσύ, δηλαδή, τι νόμισες; Ότι εγώ, μια παλαιστρια του κατς που έχω δώσει εκατόν εξήντα πέντε αγώνες κι έχω νικήσει στους εκατόν εξήντα (και μάλιστα, τους σαράντα τρεις με νοκάουτ), εγώ, η Στραγγαλίστρια του Λανγκεντόκ, είναι δυνατόν να πιστεύω στον Άι-Βασίλη;»</p> <p>«Όχι.»</p> <p>«Ε, λοιπόν, μπορεί να μη πιστεύω στον Αι-Βασίλη, αλλά στο Θεό πιστεύω. Κατάλαβες τώρα;»</p> <p>Αυτό, φυσικά, τ άλλαζε όλα.</p> <p>«Και γιατί να γράψω στο Θεό;»</p> <p>«Για να μη νιώθεις τόσο μόνος.»</p> <p>«Πώς δε θα νιώθω τόσο μόνος με κάποιον που δεν υπάρχει;»</p> <p>«Κάν' τον να υπάρχει.»</p> <p>Έγειρε προς το μέρος μου.</p> <p>«Κάθε φορά που θα πιστεύεις σ' αυτόν, όλο και πιο πολύ θα υπάρχει. Κι αν επιμείνεις, θα υπάρξει ολότελα. Δεν ξέρεις τι καλό θα σου κάνει...»</p> <p>«Τι μπορώ να του γράψω;»</p> <p>«Πες του τι σκέφτεσαι. Οι σκέψεις που δεν τις λες, είναι σκέψεις που βαραινούν, σε στοιχειώνουν, σου φορτώνονται, που μουχλιάζουν και δεν κάνουν</p>	<p>Немного помолчали: как раз время переварить новые мысли.</p> <p>- А не написать ли тебе Господу, Оскар?</p> <p>- Ах, нет, только не вы, Розовая мама!</p> <p>- Что не я?</p> <p>- Не вы! Я думал, что хотя бы вы не лжете.</p> <p>- Но я и не лгу.</p> <p>- Тогда почему вы мне говорите о Боге? Меня однажды уже разыграли с Дедом Морозом. Этого достаточно!</p> <p>- Оскар, Бог и Дед Мороз - совершенно разные вещи.</p> <p>- Да нет, одно и то же. Задуривают мозги и все такое!</p> <p>- Как ты считаешь, могу ли я, бывшая кетчистка, из ста шестидесяти пяти боев сто шестьдесят побед, из которых сорок три - нокаутом, могу ли я, Лангедокская потрошительница, хоть на секунду поверить в Деда Мороза?</p> <p>- Нет.</p> <p>- Так вот, в Деда Мороза я не верю, а в Бога верую.</p> <p>Само собой, такие ее слова все переменили.</p> <p>- А зачем мне писать Богу?</p> <p>- Тебе бы не было так одиноко.</p> <p>- Не так одиноко с кем-то, кого не существует?</p> <p>- Так пусть он для тебя существует!</p> <p>Она наклонилась ко мне.</p> <p>- Каждый раз, когда ты в него поверишь, он станет существовать чуть больше. А если будешь верить упорно, он заживет в полную силу. И тогда сделает тебе добро.</p> <p>- А что же мне ему написать?</p> <p>- Поведай ему свои мысли. Те, которые ты не высказываешь вслух, то есть те, которые тебя тяготят, преследуют, беспокоят, сковывают, занимают место свежих идей и</p>
--	---

<p>χώρο να ῥθουν οι καινούργιες σκέψεις. Άμα δεν μιλάς, γίνεσαι ένας σκουπιδοτενεκές, γεμάτος παλιές σκέψεις που σαπίζουν.» «Ο.Κ.»</p> <p>«Αλλά πρόσεξε: ένα πράγμα την ημέρα μπορείς να ζητήσεις από το Θεό. Ακούς; Ένα μονάχα!»</p> <p>«Φράγκο δεν αξίζει ο Θεός σας, θεία Ροζ. Ο Αλαντίν είχε δικαίωμα να ζητήσει τρεις χάρες απ' το τζίνι.»</p> <p>«Δεν είναι καλύτερα μια την ημέρα παρά τρεις και τέρμα;»</p> <p>«Ο.Κ. Τότε μπορώ να του τα ζητήσω όλα; Παιχνίδια, καραμέλες, ένα αυτοκίνητο...»</p> <p>«Όχι, Όσκαρ. Ο Θεός δεν είναι Αι-Βασίλης. Μόνο πνευματικές χάρες μπορείς να ζητήσεις.»</p> <p>«Όπως...;»</p> <p>«Όπως: θάρρος, υπομονή, εξηγήσεις.»</p> <p>«Ο.Κ. Κατάλαβα.»</p> <p>«Μπορείς, επίσης, να του ζητήσεις και χάρες για άλλους.»</p> <p>«Μα τι είν' αυτά που λες, θεία Ροζ; μια χάρη την ημέρα την κρατάω για τον εαυτό μου!»</p> <p>Αυτά που λες, Θεέ. Ηθελα, με το πρώτο μου γράμμα, να σου δείξω λίγο πώς ζω εδώ, στο νοσοκομείο, όπου τώρα με κοιτάζουν σαν να ῥμουν ένα εμπόδιο στην ιατρική, και θα ῥθελα να μου δώσεις μιαν απάντηση! Θα γίνω καλά; Απάντησε μου μ' ένα «ναι» ή ένα «όχι».</p> <p>Δεν είναι δύσκολο. Ναι ή όχι. Διαγράφεις το ένα από τα δύο.</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια,</p> <p>Όσκαρ.</p> <p>Υ.Γ. Δεν έχω τη διεύθυνση σου. Τι κάνω;</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Μπράβο! Είσαι τέλειος! Πριν καλά-καλά ταχυδρομήσω το γράμμα, μου απάντησες. Μα πώς το κάνεις;</p>	<p>разлагают тебя изнутри. Если ты их не выразишь, рискуешь сделаться вонючей помойкой старых мыслей. - Согласен.</p> <p>- И, кроме того, у Господа ты можешь что-то попросить. Что-нибудь одно каждый день. Не более одного! - Слабоват ваш Бог, Розовая мама. У Аладдина с его волшебной лампой было право загадать три желания.</p> <p>- Одно желание в день - это лучше, чем три за всю жизнь. Согласен?</p> <p>- Согласен. Значит, я могу у него попросить все, что угодно? Конфеты, игрушки, машину...</p> <p>- Нет, Оскар. Господь -- не Дед Мороз. Ты можешь попросить только вещи духовные.</p> <p>- Например?</p> <p>- Попросить мужества, терпения, просветления.</p> <p>- Ладно, я понял.</p> <p>- Ты также можешь подсказать ему, чтобы он и другим оказал милость.</p> <p>- С одним-то желанием в день! Не говорите глупостей, Мадам, сначала я использую его для себя!</p> <p>Вот. Итак, Господи, по случаю первого письма я немного показал тебе, какую жизнь веду здесь, в больнице, где меня считают теперь препятствием на пути развития медицины, и хотел бы попросить у тебя просветления насчет того, выздоровлю ли я. Ответь только да или нет? Не так уж и сложно. Да или нет. Просто вычеркни ненужное слово.</p> <p>До завтра, целую,</p> <p>Оскар</p> <p>P.S. Не знаю твоего адреса. Что будем делать?</p> <p>Дорогой Бог,</p> <p>ну, ты силен! Дал мне ответ, не дожидаясь даже, пока я отправлю письмо. Как тебе это удается?</p> <p>Сегодня утром в зале для отдыха я играл в</p>
--	---

<p>Σήμερα το πρωί, έπαιζα σκάκι με τον Αϊνστάιν στην αίθουσα ψυχαγωγίας, όταν ήρθε ο Ποπ Κορν και μου είπε! «Έχουν έρθει οι γονείς σου.»</p> <p>«Οι γονείς μου; Αποκλείεται. Οι γονείς μου έρχονται κάθε Κυριακή.»</p> <p>«Είδα το αυτοκίνητο: ένα κόκκινο τζιπ με άσπρη κουκούλα.»</p> <p>«Αποκλείεται.»</p> <p>Σήκωσα τους ώμους και συνέχισα να παίζω σκάκι με τον Αϊνστάιν. Όμως, επειδή είχα το μυαλό μου αλλού, ο Αϊνστάιν μου 'φαγε όλα τα πόνια, κι αυτό με εκνεύρισε ακόμα πιο πολύ. Τον Αϊνστάιν δεν τον λέμε Αϊνστάιν επειδή είναι πιο έξυπνος από τους άλλους, αλλά επειδή έχει ένα κεφάλι διπλάσιο απ' το δικό μας — σαν να 'χει μέσα νερό. Κρίμα, γιατί, αν όλο αυτό ήταν μυαλό, θα μπορούσε να κάνει μεγάλα πράγματα ο Αϊνστάιν.</p> <p>Όταν κατάλαβα ότι θα έχανα, εγκατέλειψα το παιχνίδι και πήγα στο δωμάτιο του Ποπ Κορν, που το παράθυρο του έβλεπε στο πάρκινγκ. Δεν έλεγε ψέματα: είχαν έρθει οι γονείς μου.</p> <p>Πρέπει να σου πω, Θεέ, ότι οι γονείς μου κι εγώ μένουμε μακριά. Αυτό, δεν το καταλάβαινα όταν έμενα εκεί, αλλά τώρα που δεν μένω πια εκεί, μου φαίνεται πως είναι αρκετά μακριά. Έτσι οι γονείς μου μπορούν να 'ρχονται να με βλέπουν μόνο μια φορά την εβδομάδα, κάθε Κυριακή, γιατί την Κυριακή δεν δουλεύουν, ούτε κι εγώ.</p> <p>«Βλέπεις ότι είχα δίκιο;» είπε ο Ποπ Κορν. «Πόσα μου δίνεις που σε ειδοποίησα;»</p> <p>«Έχω σοκολάτες με φουντούκια.»</p> <p>«Δεν έχεις πια φράουλες Tagada;»</p> <p>«Όχι.»</p> <p>«Ο.Κ.: σοκολάτες.»</p> <p>Όπως καταλαβαίνεις, δε μας επιτρέπουν να δίνουμε στον Ποπ Κορν να τρώει, αφού είναι εδώ για να αδυνατίσει. Είναι εννιά χρονών κι είναι ενενήντα οκτώ κιλά, ένα και δέκα ύψος κι ένα και δέκα φάρδος! Το μοναδικό ρούχο που του κάνει, είναι ένα αμερικάνικο φούτερ. Και πάλι, οι ρίγες του είναι θεόστραβες. Επειδή, όμως, ούτε εγώ κι ούτε και κανένας απ' τους φίλους μου πιστεύουμε ότι θα πάψει ποτέ να 'ναι χοντρός, κι επειδή τον</p>	<p>шахматы с Эйнштейном, и вдруг является Попкорн и говорит:</p> <p>- Твои родители пришли.</p> <p>- Мои родители? Не может быть. Они только по воскресеньям приходят.</p> <p>- Я видел их машину -- красный джип с белым верхом.</p> <p>- Не может быть.</p> <p>Я пожал плечами и продолжал игру с Эйнштейном. Но поскольку внимание мое было отвлечено, Эйнштейн стибрил у меня все мои фигуры, отчего я занервничал еще больше. Эйнштейном его зовут не потому, что он умнее других, а потому что у него голова в два раза больше. Вроде бы от водянки. Жалко. Если бы это было от мозгов, Эйнштейн мог бы совершить великие дела.</p> <p>Увидев, что проигрываю, я бросил игру и пошел за Попкорном в его комнату, которая выходит на автомобильную стоянку. Он был прав: мои родители действительно приехали.</p> <p>Надо сказать тебе, Господи, что мы с родителями живем далеко. Раньше, когда я там просто жил, мне так не казалось. Теперь же, когда я там больше не живу, я считаю, что это далеко. Вот почему родители могут навещать меня лишь раз в неделю, в воскресенье, когда они оба не работают, ну и я тоже.</p> <p>- Видишь, я был прав, -- сказал Попкорн. Сколько дашь мне за то, что я тебя предупредил?</p> <p>- У меня есть шоколадки с орехами.</p> <p>- А клубники Тагада больше нет?</p> <p>- Нет.</p> <p>- Согласен на шоколад.</p> <p>Конечно, я не имел права снабжать Попкорна едой, учитывая, что он лечится от ожирения. В девять лет он весит девяносто восемь кило, и при росте метр десять он и в ширину тоже метр десять! Единственная одежда, в которую он может войти целиком, это спортивная форма для игры в американское поло. Она еще в полоску, от которой рябит так, что начинается морская болезнь. Честно</p>
--	---

λυπόμαστε που πεινάει τόσο πολύ, του δίνουμε πάντα ό,τι μας περισσεύει. Και τι να κάνει μια σοκολάτα σε τόσο λίπος! Αν έχουμε άδικο που τον ταΐζουμε, ας σταματήσουν και οι αδελφές να του χώνουν υπόθετα.

Γύρισα στο δωμάτιο μου για να περιμένω τους γονείς μου. Στην αρχή, δεν κατάλαβα πόσος χρόνος είχε περάσει, γιατί ήμουν λαχανιασμένος, αλλά μετά συνειδητοποίησα ότι είχε περάσει τόσος χρόνος όσος για να πάνε και να έρθουν στο δωμάτιο μου δεκαπέντε φορές.

Ξαφνικά, κατάλαβα πού ήταν. Βγήκα στο διάδρομο. Όταν δεν μ' έβλεπε κανείς, κατέβηκα τη σκάλα, κι ύστερα, μες στο μισοσκόταδο, περπάτησα μέχρι το γραφείο του γιατρού Ντίσελντορφ.

Ήταν εκεί. Άκουγα τις φωνές τους πίσω από την πόρτα. Όπως ήμουν εξαντλημένος απ' τις σκάλες, χρειάστηκα λίγο χρόνο για να πάρω ανάσα, και τότε ήρθε η καταστροφή: άκουσα αυτό που δεν έπρεπε ν' ακούσω. Η μητέρα μου έκλαιγε με λυγμούς, ο γιατρός Ντίσελντορφ επαναλάμβανε: «Δοκιμάσαμε τα πάντα... πιστέψτε με... δοκιμάσαμε τα πάντα», και ο πατέρας μου έλεγε με τρεμάμενη φωνή: «Το ξέρω, γιατρέ, το ξέρω».

Έμεινα με το αφτί κολλημένο στη σιδερένια πόρτα. Δεν ξέρω τι ήταν πιο παγωμένο! το μέταλλο ή εγώ.

Ύστερα ο γιατρός Ντίσελντορφ είπε!

«Θέλετε μήπως να τον δείτε... να τον αγκαλιάσετε;»
«Με τι κουράγιο...» είπε η μητέρα μου.

«Δεν πρέπει να μας δει σ' αυτή την κατάσταση» συμπλήρωσε ο πατέρας μου.

Και τότε κατάλαβα ότι οι γονείς μου ήταν δειλοί· κι ότι (αυτό είναι το χειρότερο) με πέρναγαν κι εμένα για δειλό!

Άκουσα να σέρνονται καρέκλες, κατάλαβα ότι θα βγαίναν, κι άνοιξα την πρώτη πόρτα που βρήκα μπροστά μου.

Έτσι βρέθηκα μέσα στο ντουλάπι για τις σκούπες, κι έμεινα εκεί όλο το άλλο πρωί, γιατί, μπορεί και να μη το ξέρεις, Θεέ, τα ντουλάπια για τις σκούπες ανοίγουν μόνο απ' έξω, όχι από μέσα, σαν να

говоря, поскольку ни я, ни мои приятели - мы не верим, что он сможет похудеть, а есть он хочет так сильно, что его становится жалко, мы всегда отдаем ему оставшиеся продукты. Это ведь такая малость – плитка шоколада по сравнению с горой его жира! Может, мы и не правы, но только медсестры тоже перестают пичкать его слабительным.

Я пошел в свою комнату - ждать родителей. Вначале я не замечал времени, потому что нужно было отдышаться, но после сообразил, что они уже тысячу раз могли бы успеть до меня дойти.

И вдруг до меня дошло, где они могли быть. Выйдя в коридор и убедившись, что меня никто не видит, я спустился по лестнице и в полумраке дошагал до кабинета доктора Дюссельдорфа.

Так и есть! Они были там. Из-за двери слышались их голоса. Спуск по лестнице меня утомил, и понадобилось время, чтобы сердце мое вернулось на свое место. Это промедление все испортило: я услышал то, чего не должен был слышать. Мать моя рыдала, доктор Дюссельдорф повторял: "Мы сделали все, что могли, поверьте, мы сделали все", на что отец отвечал сдавленным голосом: "Я верю, доктор, я в этом не сомневаюсь".

Я так и прирос к металлической двери ухом. Уж и не знаю, что было холоднее: металл или я.

Затем доктор Дюссельдорф спросил:

- Хотите с ним повидаться?

- Я не чувствую в себе никаких сил, -- ответила моя мать.

- Не следует ему видеть нас в таком состоянии, - добавил отец.

И тогда я понял, что мои родители -- жалкие трусы. И что еще хуже: они и меня держат за труса!

Поскольку послышался шумдвигающихся в кабинете стульев, я понял, что сейчас они выйдут, и открыл первую подвернувшуюся дверь.

Вот так я оказался в стенном шкафу, где хранились щетки и швабры, и где я провел остаток утреннего времени, поскольку стенные шкафы (ты, Господи, возможно не в

<p>φοβούνται οι άνθρωποι μήπως, τη νύχτα, οι σκούπες, οι κουβάδες κι οι σφουγγαρίστρες την κοπανήσουν!</p> <p>Έτσι κι αλλιώς, δε μ' ενοχλούσε που ήμουν κλεισμένος στο σκοτάδι, γιατί δεν είχα πια όρεξη να δω κανέναν, και γιατί τα πόδια και τα χέρια μου είχαν παραλύσει από το σοκ.</p> <p>Γύρω στο μεσημέρι ήρθε στ αφτιά μου φασαρία απ' τον επάνω όροφο. Ακουγα βήματα, άκουγα τρεχαλητά. Μετά, από παντού ακουγόταν τ όνομα μου! «Όσκαρ! Όσκαρ!»</p> <p>Ωραία είναι ν' ακούς να σε φωνάζουν, και να μην απαντάς. Μου 'κανε και καλό. Ήθελα έτσι να «τη σπάσω» σ' όλο τον κόσμο.</p> <p>Μετά, νομίζω ότι με πήρε λίγο ο ύπνος, κι ύστερα άκουσα το σούρσιμο από τις γαλότσες της καθαρίστριας, της κυρίας Ντα. Άνοιξε την πόρτα, και τότε τρομάξαμε κι οι δυο και βάλαμε τις φωνές — εκείνη επειδή δεν περίμενε να με βρει εκεί, κι εγώ επειδή δε θυμόμουν πόσο μαύρη ήταν ούτε πόσο δυνατά φώναζε.</p> <p>Ακολούθησε πανδαιμόνιο. Ήρθαν όλοι: ο γιατρός Ντίσελντορφ, η προϊσταμένη, οι αδελφές, οι άλλες καθαρίστριες. Κι εκεί που νόμιζα ότι θα με κατσαδιάζαν, τους είδα όλους σαν βρεγμένες γάτες κι αποφάσισα να μη χάσω χρόνο και να το εκμεταλλευτώ.</p> <p>«Θέλω να δω τη θεία Ροζ.»</p> <p>«Μα πού ήσουν, Όσκαρ; Πώς αισθάνεσαι;»</p> <p>«Θέλω να δω τη θεία Ροζ.»</p> <p>«Πώς βρέθηκες μέσα σ' αυτό το ντουλάπι; Ακολούθησες κάποιον; Άκουσες τίποτα;»</p> <p>«Θέλω να δω τη θεία Ροζ.»</p> <p>«Πιεσ ένα ποτήρι νερό.»</p> <p>«Όχι. Θέλω να δω τη θεία Ροζ.»</p> <p>«Φάε μια μπουκιά...»</p> <p>«Όχι. Θέλω να δω τη θεία Ροζ.»</p> <p>Γρανίτης. Βράχος. Τσιμέντο. Δε γινόταν τίποτα.</p>	<p>курсе?) открываются снаружи, а не изнутри, будто кто-то опасается, что ночью щетки, ведра и половые тряпки могут удрать!</p> <p>Так или иначе, я оставался в полной темноте и взаперти совершенно спокойно, потому что никого не хотелось видеть, и еще потому, что руки и ноги не слишком-то меня слушались после пережитого шока, то есть, после того, что мне пришлось услышать.</p> <p>Ближе к полудню я почувствовал какое-то сильное оживление выше этажом. Слышались шаги, беготня. Потом отовсюду стали доноситься крики: - Оскар! Оскар!</p> <p>Мне нравилось слышать, как меня зовут, и не отвечать. Хотелось досадить всем на свете.</p> <p>Потом я, наверное, немного поспал, после чего послышалось шарканье галош мадам Н'да, нашей уборщицы. Она открыла дверь, и тут уж мы оба по-настоящему напугались: она - потому что не ожидала меня здесь увидеть, а я -- потому что совершенно забыл, что она такая черная и что она может так сильно кричать.</p> <p>Затем случилась настоящая куча мала: они явились все – и доктор Дюссельдорф, и старшая сестра, и дежурные сестры, и нянечки. Вместо того, чтобы меня отругать, как я того ожидал, они вели себя, как виноватые, и я понял, что нужно немедленно воспользоваться этой ситуацией. - Я хочу видеть Розовую даму.</p> <p>- Да куда же ты подевался, Оскар? Ты в порядке? - Я хочу видеть Розовую даму.</p> <p>- Как ты оказался в стенном шкафу? За кем-то шел? Что-то услышал? - Я хочу видеть Розовую даму.</p> <p>- Выпей стакан воды.</p> <p>- Нет, хочу Розовую даму.</p> <p>- Скушай кусочек...</p> <p>- Нет. Я хочу видеть Розовую даму.</p> <p>Гранитный утес. Прибрежная скала. Бетонная плита. Ничем не прошибешь. Я даже</p>
---	---

<p>Μου μιλούσαν, κι ούτε που τους άκουγα πια. Ήθελα να δω τη θεία Ροζ.</p> <p>Ο γιατρός Ντίσελντορφ έδειχνε εξαιρετικά ενοχλημένος από τους συνεργάτες του που κανείς τους δεν μπορούσε να μου επιβληθεί. Στο τέλος, ξέσπασε:</p> <p>«Άς πάει τελospάντων κάποιος να φέρει αυτή την κυρία!»</p> <p>Και μόνο τότε συμφώνησα να γυρίσω στο δωμάτιο μου και να κοιμηθώ λίγο.</p> <p>Όταν ξύπνησα, η θεία Ροζ ήταν εκεί. Χαμογελούσε.</p> <p>«Μπράβο, Όσκαρ — τα κατάφερες! Τους έδωσες ένα χαστούκι που δε θέλαν άλλο. Τώρα, όμως, με ζηλεύουν.»</p> <p>«Σκασίλα μας.»</p> <p>«Είναι, καλοί άνθρωποι, Όσκαρ... πολύ καλοί άνθρωποι.»</p> <p>«Σκασίλα μου.»</p> <p>«Τι συνέβη;»</p> <p>«Ο γιατρός Ντίσελντορφ είπε στους γονείς μου ότι θα πεθάνω, κι εκείνοι το 'βαλαν στα πόδια. Τους μισώ.»</p> <p>Της τα διηγήθηκα όλα με λεπτομέρειες, όπως και σε σένα, Θεέ.</p> <p>«Χμμ...» έκανε η θεία Ροζ, «αυτό μου θυμίζει το τουρνουά του Μπετίν, όπου είχα παλέψει με τη Σάρα Γιουπ Λα Μπουμ, την παλαιίστρια με το λαδωμένο κορμί, το χέλι του ρινγκ, μια ακροβάτιδα που αγωνιζόταν σχεδόν τσίτσιδη και σου ξεγλιστρούσε από τα χέρια όταν προσπαθούσες να της κάνεις μια λαβή. Αγωνιζόταν μόνο στο Μπετίν, και κάθε χρόνο κέρδιζε το κύπελλο. Εγώ, όμως, αυτό το κύπελλο του Μπετίν το ήθελα σαν τρελή!»</p> <p>«Και τι κάνατε, θεία Ροζ;»</p> <p>«Όταν ανέβηκε στο ρινγκ, οι φίλοι μου της πέταξαν αλεύρι. Το λάδι και το αλεύρι κάνουν μια ωραία κρούστα. Με τρεις "σταυρούς" και δύο κινήσεις την έριξα στο καναβάτσο τη Σάρα Γιουπ Λα Μπουμ. Μετά απ' αυτό, δεν την έλεγαν πια χέλι του ρινγκ, αλλά μπακαλιάρο πανέ.»</p>	<p>и не слушал, что мне говорят. Я хотел видеть мою Розовую маму.</p> <p>Доктору Дюссельдорфу было очень неудобно перед сотрудниками, что он не имеет на меня никакого влияния. Кончилось тем, что он не выдержал:</p> <p>- Пусть пойдут за этой дамой!</p> <p>Тогда я согласился передохнуть и поспал немного в своей комнате.</p> <p>Когда я проснулся, Розовая мама была здесь. Она улыбалась.</p> <p>- Bravo, Оскар, ты добился своего. Влепил им знатную пощечину. Но в результате мне начали завидовать.</p> <p>- Плевать.</p> <p>- Это славные люди, Оскар. Очень славные.</p> <p>- Мне наплевать.</p> <p>- Что случилось?</p> <p>- Доктор Дюссельдорф сказал моим родителям, что я умру, и они сбежали. Я их ненавижу.</p> <p>И я все подробно ей рассказал, вот как тебе, Господи.</p> <p>- Эге, -- сказала Розовая мама, -- это напоминает мне мой матч в Бетюне против Сары Юп ля Бум, кет-чистки, которая натиралась маслом и выступала почти обнаженной. Ее прозвали угрем ринга, она буквально выскальзывала из рук, когда ее пытались ухватить. Выступала она исключительно в Бетюне, где каждый год завоевывала кубок этого города. Однако я тоже хотела выиграть кубок Бетюна!</p> <p>- И что же вы сделали, Розовая мама?</p> <p>- Когда она появилась на ринге, мои друзья набросали на нее муки. Мука с маслом дала чудесную корочку. В три подхода и в два движения я послала на ковер Сару Юп ля Бум. И с тех пор ее уже не называли угрем ринга, она стала треской в панировке.</p>
---	--

<p>«Με συγχωρείτε, θεία Ροζ, αλλά δεν καταλαβαίνω τι σχέση έχει το 'να με τ' άλλο.»</p> <p>«Εγώ καταλαβαίνω — και πολύ καλά, μάλιστα. Για όλα υπάρχει λύση, Όσκαρ. Πάντα υπάρχει κάπου ένα σακί με αλεύρι. Να γράψεις στο Θεό. Είναι πιο δυνατός από μένα.»</p> <p>«Ακόμα και στο κατς;»</p> <p>«Ναι. Ακόμα και στο κατς, ο Θεός "δεν παίζεται". Δε χάνεις να δοκιμάσεις. Για πες μου, όμως, μικρέ μου Όσκαρ: Τι σε πονάει πιο πολύ;»</p> <p>«Μισώ τους γονείς μου.»</p> <p>«Τότε μίσησέ τους με όλη σου τη δύναμη.»</p> <p>«Εσείς μου το λέτε αυτό, θεία Ροζ;»</p> <p>«Ναι. Μίσησέ τους με όλη σου τη δύναμη. Θα 'ναι σαν να μασουλάς ένα κόκαλο. Όταν θα πάψεις να το μασουλάς αυτό το κόκαλο, θα καταλάβεις ότι δεν άξιζε τον κόπο. Γράψε στο Θεό, πες του τα όλα και ζήτησε του να σε επισκεφθεί.»</p> <p>«Μετακινείται;»</p> <p>«Με τον τρόπο του· κι όχι συχνά, για να μην πω! πολύ σπάνια.»</p> <p>«Γιατί; Κι αυτός άρρωστος είναι;»</p> <p>Εκείνη τη στιγμή, απ' τον αναστεναγμό τής θείας Ροζ κατάλαβα ότι δεν ήθελε να μου ομολογήσει πως κι εσύ, Θεέ, έχεις τα χάλια σου.</p> <p>«Πες μου κάτι, Όσκαρ: οι γονείς σου δε σου μίλησαν ποτέ για το Θεό;»</p> <p>«Τι το ψάχνετε τώρα; Οι γονείς μου είναι χαζοί.»</p> <p>«Άλλο αυτό. Για το Θεό, όμως, δε σου μίλησαν ποτέ;»</p> <p>«Ναι· μια φορά μονάχα. Για να πουν ότι δεν πιστεύουν σ' αυτόν. Αυτοί πιστεύουν μόνο στον Αι-Βασίλη.»</p> <p>«Μα τόσο χαζοί είναι, λοιπόν;»</p> <p>«Δεν μπορείτε να φανταστείτε! Τη μέρα που γύρισα από το σχολείο και τους είπα να σταματήσουν τις χαζομάρες γιατί είχα μάθει πια, όπως όλοι οι φίλοι μου, ότι δεν υπάρχει Αι-Βασίλης, πήραν ένα ύφος σαν να 'πεφταν από τα σύννεφα. Καθώς ήμουν έξω φρενών που είχα γίνει</p>	<p>- Простите меня, мадам, но я не вижу связи.</p> <p>- А я вижу ее отлично. Всегда есть решение, Оскар, всегда где-то лежит мешок с мукой. Ты должен написать Господу. Он сильнее меня.</p> <p>- Даже в кетче?</p> <p>- Да, даже в кетче. Бог знает свое дело. Попытайся, малыш. Что тебя расстроило больше всего?</p> <p>- Я ненавижу своих родителей.</p> <p>- Так продолжай пуше прежнего.</p> <p>- Вы ли мне это говорите, Розовая мама?</p> <p>- Да. Пусть твоя ненависть станет еще сильней. Она будет, как кость для собаки. Когда ты перестанешь ее грызть, то увидишь, что в этом не было никакого смысла. Расскажи обо всем Господу и попроси в своем письме, чтобы он нанес тебе визит.</p> <p>- Он способен передвигаться?</p> <p>- На свой лад. Не часто. Даже очень редко.</p> <p>- Почему? Он тоже болен?</p> <p>И здесь, по вздоху Розовой мамы я понял: она не хотела сознаться, что ты, Господи, тоже в скверном состоянии.</p> <p>- Твои родители, Оскар, никогда не говорили тебе о Боге?</p> <p>- Забудем о моих родителях. Они - придурки.</p> <p>- Разумеется. Но они никогда не говорили с тобой о Боге?</p> <p>- Говорили один раз. Но только, чтобы сказать, что больше в него не верят. Они-то верят как раз в Деда Мороза.</p> <p>- Неужели они придурки до такой степени?</p> <p>- Представьте себе! Когда однажды, придя из школы, я заявил, что пора прекратить молоть ерунду, потому что, как и все мои друзья, я знаю, что никакого Деда Мороза нет, они как будто с Луны свалились. Поскольку меня бесила перспектива выглядеть кретином в</p>
---	---

<p>ρεζίλι στην αυλή του σχολείου, εκείνοι μου ορκίστηκαν ότι δεν είχαν κανένα σκοπό να με κοροϊδέψουν, ότι και οι ίδιοι πίστευαν στ' αλήθεια πως ο Αι-Βασίλης υπήρχε, κι ότι είχαν πολύ, μα πάρα πολύ απογοητευτεί που δεν ήταν αληθινός! Τρελοί για δέσιμο σας λέω, θεία Ροζ!»</p> <p>«Δεν πιστεύουν στο Θεό, λοιπόν...»</p> <p>«Όχι.»</p> <p>«Δε σε προβληματίσε καθόλου αυτό;»</p> <p>«Αν ασχολούμαι με το τι σκέφτονται οι χαζοί, δε θα μου μένει χρόνος γι' αυτό που σκέφτονται οι έξυπνοι.»</p> <p>«Έχεις δίκιο. Όμως το γεγονός ότι οι γονείς σου που, κατά τη γνώμη σου, είναι χαζοί...»</p> <p>«... με περικεφαλαία, θεία Ροζ!»</p> <p>«Αφού λοιπόν είναι χαζοί και δεν πιστεύουν στο Θεό, γιατί εσύ να μη πιστέψεις και να μη του ζητήσεις να σου κάνει μια επίσκεψη;»</p> <p>«Δεν έχω αντίρρηση. Αλλά εσείς μου είπατε ότι είναι κατάκοιτος...»</p> <p>«Όχι. Απλώς, έχει έναν πολύ ιδιαίτερο τρόπο να κάνει τις επισκέψεις του. Σ' επισκέπτεται νοερά — στο μυαλό σου.»</p> <p>Μ' άρεσε αυτό. Το βρήκα σούπερ. Η θεία Ροζ πρόσθεσε:</p> <p>«Θα δεις: οι επισκέψεις του κάνουν πολύ καλό.»</p> <p>«Ο.Κ., θα του κάνω μια κουβέντα. Για την ώρα, πάντως, μόνο οι δικές σας επισκέψεις μου κάνουν καλό.»</p> <p>Η θεία Ροζ χαμογέλασε και, σχεδόν ντροπαλά, έσκυψε να μου δώσει ένα φιλάκι στο μάγουλο. Όμως, σαν να μη το τολμούσε· σαν να ζητούσε την άδεια μου με το βλέμμα της.</p> <p>«Εμπρός, φιλήστε με. Δε θα το πω στους άλλους. Δε θα σας χαλάσω τη φήμη.»</p> <p>Ακούμπησε τα χείλη της στο μάγουλο μου και το ευχαριστήθηκα, ένιωσα μια ανατριχίλα και, μαζί, μια ζεστασιά — μύριζε πούδρα και σαπούνι.</p> <p>«Πότε θα ξανάρθετε;»</p>	<p>глазах моих одноклассников, они поклялись, что вовсе не собирались меня обманывать и совершенно искренне верили сами в существование Деда Мороза. Теперь же они страшно огорчены, так и сказали - страшно огорчены, узнав, что на самом деле его нет! Два старых придурка, говорю я вам, Розовая мама.</p> <p>- Стало быть, в Бога они не веруют?</p> <p>- Нет.</p> <p>- И это никак тебя не заинтересовало?</p> <p>- Если я начну интересоваться тем, что думают идиоты, у меня не останется времени на мысли умных людей.</p> <p>- Ты прав. Но, исходя из того, что, по твоему мнению, родители - идиоты...</p> <p>- Настоящие идиоты, мадам!</p> <p>- Так вот, если они заблуждаются и не веруют, почему бы тебе как раз и не уверовать, и не попросить его о визите?</p> <p>- Ладно. Но разве вы не сказали мне, что он хворает?</p> <p>- Нет. Дело в том, что у него - свой способ наносить визиты. Он явится тебе в твоих мыслях. В твоём сознании.</p> <p>Это мне понравилось. Просто здорово. А Розовая мама добавила:</p> <p>- Ты увидишь: его посещения приносят большую пользу.</p> <p>- О'кей, я с ним поговорю. Пока что посещения, которые приносят мне самую большую пользу, -- это ваши.</p> <p>Розовая мама улыбнулась и почти застенчиво наклонилась ко мне - поцеловать в щечку. Однако сделать это не осмеливалась и взглядом умоляла о разрешении.</p> <p>- Валяйте. Целуйте. Я никому не скажу. Не стану портить вашу репутацию бывшей кетчистки.</p> <p>Губы ее коснулись моей щеки, и мне было приятно, тепло и щекотно, и пахло пудрой и мылом.</p> <p>- Когда вы опять придете?</p>
---	--

<p>«Μόνο δύο φορές την εβδομάδα μού επιτρέπουν να ῥχομαι.»</p> <p>«Μα δεν είναι δυνατόν, θεία Ροζ! Θα περιμένω δηλαδή τρεις μέρες;»</p> <p>«Έτσι είναι ο κανονισμός.»</p> <p>«Και ποιος τον φτιάχνει τον κανονισμό;»</p> <p>«Ο γιατρός Ντίσελντορφ.»</p> <p>«Αυτή τη στιγμή, ο γιατρός Ντίσελντορφ τα κάνει πάνω του μόλις με βλέπει. Πηγαίνετε να του ζητήσετε την άδεια, θεία Ροζ. Δεν κάνω πλάκα.»</p> <p>Με κοίταξε σαν να δίσταζε.</p> <p>«Δεν κάνω πλάκα. Θα ῥχεστε να με βλέπετε κάθε μέρα. Αλλιώς, εγώ δεν γράφω στο Θεό.»</p> <p>«Θα δω τι μπορώ να κάνω.»</p> <p>Η θεία Ροζ έφυγε, κι εγώ έβαλα τα κλάματα.</p> <p>Ήταν η πρώτη φορά που καταλάβαινα πόσο ανάγκη είχα από βοήθεια. Ήταν η πρώτη φορά που καταλάβαινα πόσο άρρωστος ήμουν. Όλα αυτά τα κατάλαβα όταν μου πέρασε απ' το νου ότι μπορεί και να μη την ξανάβλεπα ποτέ τη θεία Ροζ, και τα δάκρυα κυλούσαν καυτά στα μάγουλα μου.</p> <p>Ευτυχώς, άργησε λίγο να γυρίσει, κι έτσι πρόλαβα να συνέλθω.</p> <p>«Τα κανόνισα» μου είπε, επιστρέφοντας. «Πήρα άδεια. Για δώδεκα μέρες, μπορώ να ῥχομαι να σε βλέπω κάθε μέρα.»</p> <p>«Μόνο εμένα και κανέναν άλλον;» «Μόνο εσένα και κανέναν άλλον, Όσκαρ. Δώδεκα μέρες.»</p> <p>Εκείνη τη στιγμή, δεν ξέρω γιατί, έπιασα πάλι να κλαίω με λυγμούς. Ξέρω, βέβαια, πως τ' αγόρια δεν κλαίνε, προπαντός εγώ με το κεφάλι γουλί που δε μοιάζω ούτε με αγόρι ούτε με κορίτσι, αλλά μάλλον με Αρειανό. Τίποτα — δεν μπορούσα να σταματήσω.</p> <p>«Δώδεκα μέρες; Τόσο άσχημα, λοιπόν, είναι τα πράγματα, θεία Ροζ;»</p> <p>Ήταν έτοιμη κι αυτή να βάλει τα κλάματα. Ταλαντευόταν. Η πρώην παλαιίστρια εμπόδιζε την πρώην κοπέλα να αφηθεί. Το θέαμα ήταν όμορφο,</p>	<p>- Я имею право приходить только два раза в неделю.</p> <p>- Так нельзя, Розовая мама! Я не собираюсь ждать целых три дня!</p> <p>- Такие уж тут правила.</p> <p>- А кто устанавливает правила?</p> <p>- Доктор Дюссельдорф.</p> <p>- Доктор Дюссельдорф при виде меня готов обделаться от страха. Идите, попросите у него разрешения, мадам. Я не шучу.</p> <p>Она посмотрела на меня в нерешительности.</p> <p>- Я не шучу. Если вы не станете приходить ко мне каждый день, я Богу писать не буду.</p> <p>- Попробую.</p> <p>Розовая мама ушла, и я стал плакать.</p> <p>Раньше я не осознавал, насколько мне нужна помощь. Не понимал, насколько тяжело болел. При мысли, что не увижу Розовую маму, я начинал все это понимать, и слезы текли сами собой, обжигая мне щеки.</p> <p>К счастью, я сумел взять себя в руки до того, как она вернулась.</p> <p>- Все улажено: я получила разрешение. В течение двенадцати дней я могу приходить к тебе ежедневно.</p> <p>- Ко мне и только ко мне? - К тебе и только к тебе, Оскар. Двенадцать дней.</p> <p>И тут я не знаю, что со мной произошло, но слезы потекли снова, я не мог сдержать рыданий. Притом что прекрасно знаю: мальчики не должны плакать. Особенно я при моем лысом черепе, из-за которого я не похож ни на мальчика, ни на девочку. Разве что на марсианина. Но ничего не поделаешь: остановиться я не мог.</p> <p>- Двенадцать дней? Значит, дела так плохи, Розовая мама?</p> <p>Она тоже чуть не плакала. Еле сдерживалась. Бывшая кетчистка мешала бывшей девочке дать себе волю. Смотреть было интересно, и я чуть-чуть отвлекся.</p>
---	--

<p>και κάπως με διασκέδασε.</p> <p>«Όσκαρ, τι μέρα έχουμε;» «Πού σάς ήρθε τώρα; Κοιτάζετε το ημερολόγιο μου: 19 Δεκεμβρίου.»</p> <p>«Στην πατρίδα μου, Όσκαρ, έχουμε ένα θρύλο που λέει ότι οι τελευταίες δώδεκα μέρες του χρόνου δείχνουν τον καιρό που θα κάνει τους δώδεκα μήνες της επόμενης χρονιάς. Έτσι, η 19η Δεκεμβρίου αντιστοιχεί στον Ιανουάριο· η 20ή Δεκεμβρίου, στο Φεβρουάριο και ούτω καθεξής, ως την 31η Δεκεμβρίου που προμηνύει τον επόμενο Δεκέμβριο.»</p> <p>«Αλήθεια;»</p> <p>«Είναι ένας θρύλος! ο θρύλος του δωδεκαήμερου. Λέω, λοιπόν, να τον παίζουμε μαζί. Από σήμερα κιόλας, κάθε μέρα που περνάει, θα την υπολογίζεις ότι μετράει για δέκα χρόνια.»</p> <p>«Δέκα χρόνια;»</p> <p>«Ναι. Μια μέρα ίσον δέκα χρόνια.»</p> <p>«Άμα είναι έτσι, σε δώδεκα μέρες θα 'μαι εκατόν τριάντα χρονών!»</p> <p>«Ναι! Το φαντάζεσαι;»</p> <p>Η θεία Ροζ με φίλησε (νιώθω ότι της αρέσει) κι έφυγε.</p> <p>Άκου, λοιπόν, Θεέ: σήμερα το πρωί, γεννήθηκα, κι ούτε το κατάλαβα καλά καλά· το πράγμα άρχισε να ξεκαθαρίζει γύρω στο μεσημέρι, όταν έγινα πέντε χρονών κι ένιωσα ότι άρχιζα να καταλαβαίνω, κάτι που δεν με ωφέλησε και τόσο πολύ, γιατί πήρα τα άσχημα μαντάτα" απόψε είμαι δέκα χρονών, κι αυτή είναι η ηλικία της λογικής. Α, μη ξεχάσω να σου ζητήσω μια χάρη: όταν έχεις κάτι να μου αναγγείλεις, όπως σήμερα το μεσημέρι που έκλεισα τα πέντε, μη το κάνεις τόσο απότομα. Ευχαριστώ.</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p> <p>Υ.Γ. Έχω και μιαν άλλη χάρη να σου ζητήσω. Ξέρω ότι δικαιούμαι μόνο μία, αλλά η προηγούμενη ήταν και δεν ήταν χάρη· μάλλον συμβουλή θα την έλεγα.</p> <p>Δεν έχω αντίρρηση για μια επισκεψούλα... μια</p>	<p>- Какое сегодня число, Оскар?</p> <p>- Ну и ну! Вы что не видите на календаре? Сегодня у нас 19 декабря.</p> <p>- У меня на родине, Оскар, существует легенда, по которой по двенадцати последним дням года можно определить погоду на грядущие двенадцать месяцев. Чтобы иметь картину каждого месяца, достаточно пронаблюдать за одним из двенадцати дней. 19 декабря представляет собой месяц январь, 20-е - февраль и так далее, до 31 декабря, соответствующего будущему декабрю.</p> <p>- Неужели правда?</p> <p>- Это легенда. Легенда о двенадцати пророческих днях. Мне бы хотелось, чтобы мы с тобой в это сыграли. То есть, скорее ты. Начиная с сегодняшнего дня, ты будешь наблюдать за каждым днем, представив себе, что один день идет за десять лет.</p> <p>- За десять лет?</p> <p>- Да. Один день - десять лет.</p> <p>- Значит, через двенадцать дней мне будет сто тридцать лет!</p> <p>- Да. Представляешь?</p> <p>Розовая мама поцеловала меня -- она вошла во вкус этого дела, я чувствую -- потом она ушла.</p> <p>Так вот, Господи, я родился сегодня утром и не сразу это осознал. Яснее стало к полудню: в пятилетнем возрасте сознания прибавилось, но только вести не были благими. Сегодня вечером мне десять лет, разумный возраст. Пользуюсь этим, чтобы попросить одну вещь: когда у тебя будут для меня новости, как сегодня в полдень, сообщи их как-нибудь помягче, не так прямолинейно.</p> <p>Спасибо.</p> <p>До завтра, целую, Оскар</p> <p>P.S. Хочу попросить еще одну штуку. Знаю, что имею право только на одно желание в день, но предыдущее мое желание было скорее не желанием, а просто советом.</p> <p>Я бы согласился на короткий визит.</p>
--	--

νοερή επίσκεψη. Αυτό το βρίσκω πολύ σούπερ. Θα 'θελα πολύ να μου κάνεις μία. Είμαι ανοιχτός από τις οκτώ το πρωί μέχρι τις εννιά το βράδυ. Τον υπόλοιπο χρόνο κοιμάμαι. Μερικές φορές, και κατά τη διάρκεια της ημέρας παίρνω έναν υπνάκο — είναι από τα φάρμακα. Όμως, αν έρθεις και με βρεις να κοιμάμαι, μη διστάσεις να με ξυπνήσεις. Θα 'ταν χαζό να κάνεις άδικα όλον αυτόν τον κόπο...

Αγαπητέ Θεέ,

Σήμερα μπήκα στην εφηβεία. Τι να σου πρωτοπώ... Τσακώθηκα με τους φίλους μου, τσακώθηκα με τους γονείς μου—κι όλα αυτά, εξαιτίας των κοριτσιών. Απόψε δεν είμαι δυσαρεστημένος που έκλεισα τα είκοσι, γιατί λέω: ουφ! τα χειρότερα πέρασαν. Η εφηβεία; Ευχαριστώ πολύ — δε θα πάρω...

Πρώτα απ' όλα, Θεέ, σημειώνω ότι δεν ήρθες. Σήμερα, με όλα αυτά τα προβλήματα της εφηβείας που σου 'λεγα, κοιμήθηκα πολύ λίγο, οπότε αποκλείεται να μη σ' έπαιρνα είδηση. Κι έπειτα, σ' το ξαναλέω: αν έχω πάρει κάνα υπνάκο, σκούντα με.

Όταν ξύπνησα, η θεία Ροζ ήταν εδώ. Την ώρα που έτρωγα το πρωινό μου, μου διηγήθηκε τους αγώνες εναντίον της Βασιλικής Ρώγας, μιας βελγίδας παλαιστριάς που κάθε μέρα κατέβαζε τρία κιλά ωμό κρέας κι ένα βαρέλι μπίρα. Απ' ό,τι μου είπε η θεία Ροζ, το πιο ισχυρό σημείο της Βασιλικής Ρώγας ήταν το χνώτο της, λόγω της ζύμωσης κρέατος-μπίρας, και μόνο αυτό αρκούσε για να ρίξει τις αντιπάλους της στο καναβάτσο.

Για να τη νικήσει, η θεία Ροζ χρειάστηκε να επινοήσει ένα κόλπο: φόρεσε μια κουκούλα, τη μούσκεψε στη λεβάντα και πήρε τ' όνομα η Βασανίστρια του Καρπεντρά. Το κατς, λέει πάντα, δε θέλει μόνο μούσκουλα, αλλά και μυαλό.

«Ποιον αγαπάς πολύ, Όσκαρ;»

«Εδώ; Στο νοσοκομείο;»

«Ναι.»

«Τον Μπέικον, τον Αϊνστάιν, τον Ποπ Κορν.»

«Κι απ' τα κορίτσια...;»

Αυτή η ερώτηση με βραχυκύκλωσε. Δε γούσταρα ν' απαντήσω. Όμως η θεία Ροζ περίμενε, και μπροστά σε μια διεθνούς κλάσεως παλαιστριά του κατς δεν μπορείς να το παίζεις τρελός για πολλή

Мысленный. По-моему, это здорово. Очень хочу, чтобы ты его нанес. У меня рабочие часы с восьми утра до девяти вечера. В остальное время я сплю. Иногда случается вздремнуть и днем - из-за лечения. Но если даже я буду спать, смело буди меня. Глупо было бы пропустить встречу из-за какой-то минуты несовпадения. Ты согласен?

Дорогой Бог,

сегодня время моего отрочества, и все не так гладко. Вот так штука! У меня большие сложности -- с приятелями, с родителями -- и все из-за девочек. Я рад, что вечером, когда мне стукнет двадцать, я смогу вздохнуть с облегчением, потому что худшее будет позади. За половую зрелость - спасибо! Но и покончим с этим.

Прежде всего, обращаю твое внимание, Господи, на то, что ты не явился. Я сегодня почти не спал из-за этих самых проблем с половым созреванием и, следовательно, никак не мог тебя пропустить. И потом, еще раз повторяю: если я и вздремну, буди меня.

Когда я проснулся, Розовая мама была уже здесь. За завтраком она рассказывала мне о поединке с Королевской титькой, кетчисткой из Бельгии, которая пожирала по три килограмма сырого мяса в день, запивая его целой бочкой пива. Вроде бы вся сила Королевской титьки крылась в ее дыхании, смрадном по причине забродившего от пива сырого мяса: стоило ей только дыхнуть, и противник самоходом отправлялся в партер. Чтобы ее одолеть, Розовой маме пришлось выработать новую тактику: надеть пропитанную лавандой шлем-маску и назваться Палачом из Карпантра. Как она всегда говорит, кетч требует не только развитых мускулов, но и хороших мозгов.

- Кто тебе нравится, Оскар?

- Здесь, в больнице?

- Да.

- Копченое сало, Эйнштейн, Попкорн.

- А из девочек?

Этот вопрос меня озадачил. Мне не хотелось на него отвечать. Но Розовая мама ждала ответа, а с кетчисткой международного класса долго придуриваться не дело.

<p>ώρα.</p> <p>«Την Πέγκι Μπλου.»</p> <p>Η Πέγκι Μπλου είναι το μπλε παιδάκι. Μένει στο προτελευταίο δωμάτιο, στο βάθος του διαδρόμου. Χαμογελάει ευγενικά, αλλά δε μιλάει σχεδόν ποτέ — σαν μια νεράιδα που έκανε μια στάση στο νοσοκομείο να πάρει μιαν ανάσα. Πάσχει από μια περίεργη ασθένεια, την μπλε ασθένεια, ένα πρόβλημα με το αίμα που, ενώ θα 'πρεπε να πηγαίνει στους πνεύμονες, δεν πηγαίνει, κι όλο το δέρμα γίνεται μπλε. Περιμένει μια εγχείρηση που θα την κάνει ροζ. Εγώ πιστεύω πως είναι κρίμα· μια χαρά είναι έτσι μπλε η Πέγκι Μπλου. Γύρω της είναι πολύ φως και γαλήνη — όταν πας κοντά της, είναι σαν να μπαίνεις σε εκκλησία.</p> <p>«Της το 'χεις πει;»</p> <p>«Δεν υπάρχει περίπτωση να πάω να στηθώ μπροστά της και να της πω! "Πέγκι Μπλου, σ' αγαπώ πολύ".»</p> <p>«Και γιατί, παρακαλώ;»</p> <p>«Πρώτα απ' όλα, γιατί δεν ξέρω αν ξέρει ότι υπάρχω.»</p> <p>«Ένας λόγος παραπάνω.»</p> <p>«Έχετε δει πώς είμαι; Θα πρέπει να της αρέσουν οι εξωγήινοι, και δεν είμαι πολύ σίγουρος γι' αυτό.»</p> <p>«Εγώ σε βρίσκω πολύ όμορφο, Όσκαρ.»</p> <p>Στο σημείο αυτό, η θεία Ροζ πάτησε λίγο φρένο στη συζήτηση. Είναι ευχάριστο ν' ακούς τέτοια πράγματα, σου σηκώνεται η τρίχα, άλλα δεν έχεις τι να πεις.</p> <p>«Δε θέλω να τη γοητεύσω μόνο με την εμφάνιση μου, θεία Ροζ.»</p> <p>«Τι αισθάνεσαι γι' αυτήν;»</p> <p>«Θέλω να την προστατέψω απ' τα φαντάσματα.»</p> <p>«Τι; Φαντάσματα; Έχει εδώ φαντάσματα;»</p> <p>«Αν έχει, λέει! Κάθε νύχτα! Μας ξυπνάνε — κανείς δεν ξέρει γιατί. Μας τρελαίνουν στις τσιμπιές. Φοβόμαστε, γιατί δεν τα βλέπουμε. Ξυπνάμε, κι άντε μετά να μας ξαναπιάσει ύπνος.»</p> <p>«Εσύ βλέπεις συχνά φαντάσματα;»</p>	<p>- Πέγκι Βлю.</p> <p>Πέγκι Βлю -- это голубая девочка. Она живет в предпоследней комнате по коридору. Она очень славно улыбается, но почти ничего не говорит. Будто фея на минуточку залетела в больницу. У нее какая-то сложная болезнь, проблемы с кровью, которая не доходит до легких, и в результате кожа приобретает голубоватый оттенок. Она ждет операции, чтобы кожа снова стала розовой. А мне-то кажется, что в голубом цвете она такая красивая, эта Пέγκи Блю. Вокруг нее словно облако света и тишины. Подходишь к ней -- как в церковь входишь.</p> <p>- Ты сказал ей об этом?</p> <p>- Я не такой дурак, чтобы ни с того ни с сего вдруг ляпнуть: "Пέγκи Блю, ты мне нравишься".</p> <p>- А почему бы и нет?</p> <p>- Я не уверен даже, знает ли она о моем существовании.</p> <p>- Это тоже повод.</p> <p>- Вы видели, какая у меня голова? Если бы она любила инопланетян, - другое дело, но не думаю.</p> <p>- А мне ты кажешься очень красивым, Оскар.</p> <p>Этим Розовая мама чуть-чуть притормозила наш разговор. Такие вещи приятно слышать, они тешат самолюбие, но непонятно, что на это можно ответить.</p> <p>- Я не собираюсь соблазнять ее своей внешностью.</p> <p>- А что ты к ней чувствуешь?</p> <p>- Мне хочется защитить ее от призраков.</p> <p>- Что? Здесь водятся призраки?</p> <p>- Да. Каждую ночь. Уж и не знаю зачем, но они нас будят. Щиплются, и это больно. Их не видно, и это страшно. А потом трудно снова заснуть.</p> <p>- А у тебя эти призраки часто бывают?</p>
---	--

<p>«Όχι. Εγώ κοιμάμαι πολύ βαθιά. Αλλά καμιά φορά, τη νύχτα, ακούω την Πέγκι Μπλου να φωνάζει. Θα 'θελα να την προστατέψω.»</p> <p>«Γράβα να της το πεις.»</p> <p>«Όπως και να 'χει, δε θα μπορούσα να το κάνω, γιατί, τη νύχτα, δεν επιτρέπεται να βγούμε απ' το δωμάτιο μας. Έτσι λέει ο κανονισμός.»</p> <p>«Σάμπως τα φαντάσματα γνωρίζουν τον κανονισμό; Όχι, βέβαια! Σκέψου πονηρά: αν σ' ακούσουν να λες στην Πέγκι Μπλου ότι θα φυλάξεις σκοπιά για να την προστατέψεις απ' αυτά, εσύ τι λες; Θα τολμήσουν να έρθουν;»</p> <p>«Καλά... καλά...»</p> <p>«Πόσων χρονών είσαι, Όσκαρ;»</p> <p>«Δεν ξέρω. Τι ώρα είναι;»</p> <p>«Δέκα. Μπαίνεις στα δεκαπέντε. Δε νομίζεις ότι είναι καιρός να αντιμετωπίσεις τα αισθήματα σου;»</p> <p>Στις δέκα και μισή, το αποφάσισα και πήγα μέχρι την πόρτα του δωματίου της: ήταν ανοιχτή.</p> <p>«Γεια σου, Πέγκι. Είμαι ο Όσκαρ.»</p> <p>Ήταν ξαπλωμένη στο κρεβάτι της, ίδια η Χιονάτη περιμένοντας το πριγκιπόπουλο, όταν οι χαζονάνοι νόμιζαν ότι είχε πεθάνει, αλλά ίδια η Χιονάτη όπως στις φωτογραφίες με χιόνια όπου το χιόνι δεν είναι άσπρο αλλά μπλε.</p> <p>Γύρισε προς το μέρος μου, κι εκείνη τη στιγμή αναρωτήθηκα αν θα με περνούσε για τον πρίγκιπα ή για έναν απ' τους νάνους. Εγώ, επειδή είναι ξυρισμένο το κεφάλι μου, θα 'λεγα «έναν απ' τους νάνους», αλλά εκείνη δεν είπε τίποτα, κι αυτό είναι το καλό με την Πέγκι Μπλου: δε λέει ποτέ τίποτα, κι όλα μένουν μυστήριο.</p> <p>«Ήρθα να σου ανακοινώσω ότι απόψε το βράδυ κι όλα τα βράδια από δω και στο εξής, αν το θέλεις κι εσύ, θα φυλάω σκοπιά μπροστά από το δωμάτιο σου για να σε προστατέψω απ' τα φαντάσματα.»</p> <p>Με κοίταξε, τρεμόπαιξε τις βλεφαρίδες, κι είχα την εντύπωση ότι η ταινία παιζόταν σε αργή κίνηση, ότι ο αέρας γινόταν πιο αέρινος και η σιωπή πιο σιωπηλή, ότι βάδιζα όπως βαδίζεις μέσα στο νερό, ότι όλα άλλαζαν όσο ζύγωνα το κρεβάτι της, το φωτισμένο από ένα φως που έπεφτε από πουθενά.</p>	<p>- Нет, у меня сон крепкий. Но Пегги Блю - я слышу, как она кричит по ночам. Мне бы хотелось ее защитить.</p> <p>- Скажи ей об этом.</p> <p>- В общем-то, я вряд ли смог бы ее защитить, потому что ночью мы не должны выходить из своих комнат. Такие тут правила.</p> <p>- Разве призракам правила известны? Нет. Конечно же, нет. Так схитри: если они услышат, как ты говоришь Пегги Блю, что будешь охранять ее от них, они не осмелятся больше сюда явиться.</p> <p>- Но я... но я...</p> <p>- Тебе сколько лет, Оскар?</p> <p>- Уж и не знаю. Который час?</p> <p>- Десять часов. Тебе скоро пятнадцать. Не кажется ли тебе, что пора бы стать смелее в своих чувствах?</p> <p>В половине одиннадцатого я решился и дошел до комнаты, дверь которой была открыта.</p> <p>- Пегги, привет, это Оскар.</p> <p>Она лежала на своей кровати и была похожа на Белоснежку в ожидании принца, когда все эти мерзкие гномы считают ее мертвой, на Белоснежку, как на фотографиях снега, когда снег кажется не белым, а голубым.</p> <p>Она повернулась ко мне, и я спросил себя, принимает она меня за принца или за одного из гномов. Сам-то я склонился бы к гному по причине моего лысого черепа, но она ничего не сказала, и именно это было замечательно в Пегги Блю: они никогда ничего не говорила, и все сохраняло таинственность.</p> <p>- Я пришел тебе сказать, что, начиная с сегодняшнего вечера и во все следующие вечера, я, если ты захочешь, буду стоять на страже у твоей двери, чтобы защитить тебя от призраков.</p> <p>Она взглянула на меня, и ресницы ее дрогнули. Было впечатление, как при замедленной съемке, что воздух сделался более воздушным, а молчание более молчаливым, что я двигаюсь в воде, и что все меняется, когда приближаешься к ее постели, озаренной светом, идущим неизвестно откуда.</p>
---	---

<p>«Ένα λεπτό, Γλόμπιε! Εγώ θα φυλάξω την Πέγκι!»</p> <p>Ο Ποπ Κορν στεκόταν στο άνοιγμα της πόρτας ή, μάλλον, γέμιζε το άνοιγμα της πόρτας. Μ' έκοψε κρύος ιδρώτας. Ήμουν σίγουρος πως, αν αυτός φυλούσε σκοπιά, ούτε ένα φάντασμα δε θα μπορούσε να περάσει.</p> <p>Ο Ποπ Κορν έκλεισε το μάτι στην Πέγκι.</p> <p>«Ε, Πέγκι; Δεν είμαστε φιλαράκια εσύ κι εγώ;»</p> <p>Η Πέγκι κοίταξε το ταβάνι. Ο Ποπ Κορν το πήρε αυτό για «ναι» και με τράβηξε προς τα έξω.</p> <p>«Αν θες κορίτσι, πάρε τη Σαντρίν. Η Πέγκι είναι πιασμένη.»</p> <p>«Με ποιο δικαίωμα;»</p> <p>«Με το δικαίωμα του ότι ήμουν εδώ πριν από σένα. Αμα δε συμφωνείς, παλεύουμε.»</p> <p>«Συμφωνώ και με το παραπάνω.»</p> <p>Ήμουν κάπως κουρασμένος και πήγα να καθίσω λίγο στο δωμάτιο της ψυχαγωγίας. Εκεί ακριβώς ήταν και η Σαντρίν. Η Σαντρίν έχει λευχαιμία, όπως κι εγώ, αλλά σ' αυτήν, απ' ό,τι φαίνεται, η θεραπεία πάει καλά. Τη φωνάζουν Κινέζα, γιατί φοράει μια μαύρη περούκα, γυαλιστερή, με ίσια μαλλιά και με φράντζα, κι αυτό την κάνει να μοιάζει σαν Κινέζα. Με κοιτάζει ενώ σκάει μια τσιγλόφουσκα.</p> <p>«Αν θέλεις, μπορείς να με φιλήσεις.»</p> <p>«Γιατί; Δε σου φτάνει η τσίχλα;»</p> <p>«Πες καλύτερα ότι δεν μπορείς, μικρέ! Είμαι σίγουρη ότι δεν το 'χεις ξανακάνει.»</p> <p>«Χα χα! Εδώ γελάνε! Είμαι δεκαπέντε και το 'χω κάνει πολλές φορές — να 'σαι σίγουρη.»</p> <p>«Δεκαπέντε είσαι;» μου κάνει, έκπληκτη. Κοιτάζω το ρολόι μου για να σιγουρευτώ.</p> <p>«Ναι! δεκαπέντε περασμένα.»</p> <p>«Πάντα ονειρευόμουν να με φιλήσει ένας ψηλός δεκαπεντάρης.»</p> <p>«Δεν ξέρεις τι χάνεις» λέω.</p> <p>Και τότε κολλάει τα χείλη της και τα πετάει προς</p>	<p>- Постой, постой, Лысый: Пегги буду охранять я!</p> <p>В проеме двери появился Попкорн, вернее, он заполнил собой проем двери. Я вздрогнул. Конечно, его охрана будет надежнее: ни одному призраку в дверь уже не протиснуться.</p> <p>Попкорн подмигнул Пегги.</p> <p>- Эй, Пегги! Мы ведь с тобой друзья, правда?</p> <p>Пегги смотрела в потолок. Попкорн принял это за знак согласия и вытолкнул меня из комнаты.</p> <p>- Если тебе нужна девочка, возьми Сандрину. Тут охота запрещена.</p> <p>- По какому праву?</p> <p>- По праву первенства: я пришел раньше. Если ты недоволен, будем драться.</p> <p>- В результате я очень доволен.</p> <p>Я немного устал и пошел посидеть в зале для игр. Сандрина оказалась как раз там. Как и у меня, у нее - лейкемия, но ей лечение как будто помогает.</p> <p>Ее прозвали Китайкой из-за черного парика с блестящими прямыми волосами и челкой. Она смотрит на меня и раздувает шар из жевательной резинки.</p> <p>- Можешь меня поцеловать, если хочешь.</p> <p>- Зачем? Мало тебе жвачки?</p> <p>- Тупица, ты, небось, и не умеешь. Спорим, что ни разу не пробовал.</p> <p>- Ну, ты меня рассмешила. В пятнадцать лет ни разу не пробовать! Ошибаешься, смею тебя уверить.</p> <p>- Тебе пятнадцать лет? - удивилась она. Я сверился с часами.</p> <p>- Да, уже исполнилось.</p> <p>- Я всегда мечтала, чтобы меня поцеловал взрослый, пятнадцатилетний мальчик.</p> <p>- Конечно, заманчиво, - отвечаю я.</p> <p>И тут она делает немислимую гримасу,</p>
---	---

<p>τα έξω, σαν μια βεντούζα που κολλάει στο τζάμι, και καταλαβαίνω ότι περιμένει φίλι.</p> <p>Ρίχνω μια ματιά γύρω μου και βλέπω να με κοιτάζουν όλοι οι φίλοι μου. Δεν το συζητάω να κάνω πίσω. Πρέπει να φανώ άντρας. Καιρός είναι.</p> <p>Πλησιάζω και τη φιλώ. Εκείνη μ' αγκαλιάζει σφιχτά, δεν μπορώ να ξεκολλήσω, το φιλί είναι υγρό, και ξαφνικά η Σαντρίν μου πασάρει την τσίχλα της. Κι εγώ, μέσα στην ταραχή μου, την κατάπια. Ήμουν έξαλλος.</p> <p>Εκείνη τη στιγμή, κάποιος με χτύπησε στην πλάτη. Το 'να κακό φέρνει τ' άλλο: οι γονείς μου. Είχα ξεχάσει ότι ήταν Κυριακή!</p> <p>«Δε θα μας συστήσεις στη φίλη σου, Όσκαρ;»</p> <p>«Δεν είναι φίλη μου.»</p> <p>«Ό,τι και να 'ναι, σύστησε μας.»</p> <p>«Από δω η Σαντρίν. Οι γονείς μου. Η Σαντρίν.»</p> <p>«Χαίρομαι που σας γνωρίζω» λέει η Σαντρίν μ' ένα γλυκερό ύφος. Έτσι μου 'ρχόταν να την πνίξω.</p> <p>«Θέλεις να 'ρθει η Σαντρίν στο δωμάτιο σου μαζί μας;»</p> <p>«Όχι. Η Σαντρίν θα μείνει εδώ.»</p> <p>Επιστρέφοντας στο κρεβάτι μου, ένιωσα κουρασμένος και κοιμήθηκα λιγάκι. Έτσι κι αλλιώς, δεν ήθελα να τους μιλήσω.</p> <p>Όταν ξύπνησα, είδα ότι, όπως πάντα, μου είχαν φέρει δώρα. Από τότε που μένω μόνιμα στο νοσοκομείο, οι γονείς μου δεν τα καταφέρνουν στη συζήτηση: οπότε, μου φέρνουν δώρα, και περνάμε ολόκληρα θλιβερά απογεύματα διαβάζοντας τους κανόνες και τις οδηγίες των παιχνιδιών. Ο πατέρας μου είναι τρομερός με τις οδηγίες: τις διαβάξει, ακόμα κι αν είναι στα τούρκικα ή στα γιαπωνέζικα.</p> <p>Ο πατέρας μου είναι παγκόσμιος πρωταθλητής στα χαμένα κυριακάτικα απογεύματα.</p> <p>Σήμερα, το δώρο του ήταν ένα ντίσκμαν. Όταν σου κάνουν δώρο ένα ντίσκμαν, δεν γκρινιάξεις, ακόμα κι αν τρώγεται να το κάνεις.</p> <p>«Δεν ήρθατε και χτες;»</p> <p>«Χτες; Πώς σου 'ρθε αυτό; Μόνο Κυριακές δεν ερχόμαστε;»</p>	<p>вытянув губы вперед (представляете присоску, расплюснутую на стекле?), и я понимаю, что она ждет поцелуя.</p> <p>Обернувшись, я увидел, что все мои приятели за нами наблюдают. Все пути к отступлению отрезаны. Надо быть мужчиной. Час пробил.</p> <p>Я подхожу и целую ее. Она цепляется за меня руками, я никак не могу вырваться, рот совершенно мокрый, и вдруг, без всякого предупреждения она вlepила мне свою жвачку. От неожиданности проглатываю ее целиком. Я в ярости.</p> <p>Как раз в этот момент кто-то похлопал меня по спине. Беда никогда не приходит одна: родители. Было воскресенье, я совсем забыл!</p> <p>- Познакомишь нас со своей подружкой, Оскар?</p> <p>- Она мне не подружка.</p> <p>- Но все же ты можешь нам ее представить?</p> <p>- Сандрина. Мои родители. Сандрина.</p> <p>- Очень рада с вами познакомиться, говорит Китайка медоточивым голосом. Я бы мог ее удавить.</p> <p>- Хочешь, чтобы Сандрина пошла с нами к тебе в комнату?</p> <p>- Нет, Сандрина останется здесь.</p> <p>Вернувшись к себе в комнату, я понял, что устал, и немного вздремнул. Все равно мне не хотелось с ними разговаривать.</p> <p>Когда проснулся, они, конечно, стали дарить мне подарки. С тех пор, как я в больнице, родителям беседы со мною - в тягость, поэтому они приносят мне подарки, и все послеобеденное загубленное время уходит на чтение правил игры и способов употребления. Отец мой неумолим в чтении всякого рода пояснений: даже если они написаны по-турецки или по-японски, его не смутит, он обращается к схемам и чертежам.</p> <p>Он чемпион мира по испорченным воскресеньям.</p> <p>Сегодня он принес проигрыватель. И тут, даже если бы мне этого и хотелось, я не смог ничего возразить.</p> <p>- Вы вчера не приходили?</p> <p>- Вчера? С чего ты взял? Мы можем только в воскресенье. Почему ты спрашиваешь?</p>
--	--

<p>«Κάποιος είδε το αυτοκίνητο σας στο πάρκινγκ.»</p> <p>«Μόνο ένα κόκκινο τζιπ υπάρχει στον κόσμο; Τα αυτοκίνητα είναι για να τ' αλλάζει ο κόσμος.»</p> <p>«Σωστά. Δεν είναι σαν τους γονείς. Κρίμα.»</p> <p>Έμειναν σύζυγοι. Μετά κι εγώ πήρα το ντίσκμαν κι άκουσα δύο φορές απανωτά, μπροστά τους, ολόκληρο τον Καρνοθραύστη. Επί δύο ώρες δεν μπορούσαν να πουν κουβέντα. Τόσο το καλύτερο γι' αυτούς.</p> <p>«Σ' αρέσει;»</p> <p>«Ναι. Νυστάζω.»</p> <p>Τότε κατάλαβαν πως έπρεπε να φύγουν. Είχαν τα χάλια τους. Αναποφάσιστοι. Ένιωθα ότι ήθελαν να μου πουν πολλά, αλλά δεν τα κατάφερναν.</p> <p>Ήταν ωραίο να τους βλέπεις να υποφέρουν κι αυτοί με τη σειρά τους.</p> <p>Έπειτα η μητέρα μου έπεσε πάνω μου, μ' έσφιξε πολύ δυνατά, παρά πολύ δυνατά, και είπε με τρεμάμενη φωνή:</p> <p>«Σ' αγαπώ, μικρέ μου Όσκαρ, σ' αγαπώ πάρα πολύ».</p> <p>Είπα να αντισταθώ, αλλά, την τελευταία στιγμή, την άφησα να το κάνει. Θυμήθηκα τα παλιά, τότε που τα χάλια της ήταν απλά χάλια, τότε που δεν είχε αγωνία στη φωνή της όταν μου έλεγε πως μ' αγαπούσε.</p> <p>Μετά απ' όλα αυτά, έπεσα και κοιμήθηκα.</p> <p>Η θεία Ροζ είναι η πρωταθλήτρια του ξυπνήματος. Τερματίζει πάντα τη στιγμή ακριβώς που ανοίγω τα μάτια. Και πάντα με το χαμόγελο.</p> <p>«Πώς πήγε με τους γονείς σου;»</p> <p>«Πώς να πάει... Όπως πάντα. Σήμερα μου έκαναν δώρο τον Καρνοθραύστη.»</p> <p>«Καρνοθραύστη; Τι περίεργο! Είχα μια φίλη που τη λέγαν έτσι. Εκεί να δεις πρωταθλήτρια! Έσπαγε με τα μπούτια της το σβέρκο των αντιπάλων της. Πήγες στην Πέγκι Μπλου;»</p> <p>«Μη μου μιλάτε γι' αυτήν. Είναι αρραβωνιασμένη με τον Ποπ Κορν.»</p>	<p>- Вашу машину видели на стоянке.</p> <p>- На свете не один красный джип. Одинаковых машин много.</p> <p>- Ну да! Как не родные. Какая жалость!</p> <p>И тут я их сделал. Взял проигрыватель и прямо при них два раза подряд прослушал пластинку "Щелкунчика" целиком. Два часа они не смогли промолвить ни слова. Так им и надо.</p> <p>- Тебе нравится?</p> <p>- Еще бы! Так и клонит в сон.</p> <p>Они поняли, что пора уходить. Они явно были не в своей тарелке. Никак не могли решиться. Я чувствовал, что они что-то хотят сказать, но у них не получается.</p> <p>Мне нравилось наблюдать, как они мучаются, они тоже.</p> <p>Потом моя мать бросилась ко мне, с силой прижала меня к себе, слишком сильно, и произнесла безумным голосом:</p> <p>- Оскар, маленький мой, я тебя люблю, я так сильно тебя люблю.</p> <p>Мне хотелось вырваться, но в последний момент я решил не сопротивляться, вспомнил прежние времена, когда ласки были простыми и нежными, и она говорила, что любит меня, без этой тоски в голосе.</p> <p>После этого мне нужно было немного поспать.</p> <p>Розовая мама - чемпион побудки. Она всегда на линии ожидания как раз в тот момент, когда я открываю глаза. И всегда улыбается.</p> <p>- Ну, что твои родители?</p> <p>- Ничего, как обычно. Впрочем, они подарили мне "Щелкунчика".</p> <p>- "Щелкунчика"? Любопытно. У меня была подружка, которую так прозвали. Супер-чемпионка. Она ломала шеи своим противникам, зажимая их между ляжками. А Пегги Блю, ты был у нее?</p> <p>- Не надо больше об этом. Она обручена с Попкорном.</p>
---	---

<p>«Αυτή σου το είπε;»</p> <p>«Όχι αυτός.»</p> <p>«Μπλοφάρει!»</p> <p>«Δε νομίζω. Είμαι σίγουρος ότι της αρέσει πιο πολύ απ' ό,τι εγώ. Είναι πιο δυνατός, πιο... προστατευτικός.»</p> <p>«Μπλοφάρει, σου λέω! Εγώ, που έδειχνα σαν ποντικάκι πάνω στο ρινγκ, έχω νικήσει παλαιίστριες που έμοιαζαν με φάλαινες και ιπποπόταμους. Όπως εκείνη η Ιρλανδέζα, η Πουτίγκα! εκατόν πενήντα κιλά νηστικά, με κάτι μπράτσα σαν τα μπούτια μου και κάτι δικέφαλους σαν χοιρομέρια! Δεν μπορούσα ν' αγκαλιάσω τις γάμπες της! Κι αφού δεν είχε μέση, δεν μπορούσα ούτε λαβή να της κάνω. Ανίκητη!»</p> <p>«Και τι κάνατε;»</p> <p>«Την ανάγκασα να τρέχει γύρω γύρω, ώστε να την κουράσω, και μετά την έριξα ανάσκελα.</p> <p>Χρειάστηκε γερανός για να ξανασηκωθεί.</p> <p>Εσύ, είναι αλήθεια ότι είσαι ελαφροκόκαλος και δεν έχεις πολύ κρέας πάνω σου, όμως η γοητεία δεν έχει να κάνει μόνο με τα κόκαλα και το κρέας, αλλά και με την καρδιά. Κι εσύ, μικρέ μου Όσκαρ, έχεις μπόλικη καρδιά.»</p> <p>«Εγώ;»</p> <p>«Τράβα να βρεις την Πέγκι Μπλου κι άνοιξε της την καρδιά σου.»</p> <p>«Είμαι λίγο κουρασμένος.»</p> <p>«Κουρασμένος; Πόσων χρονών είσαι αυτή την ώρα; Δεκαοκτώ; Στα δεκαοκτώ δεν κουραζόμαστε.»</p> <p>Ο τρόπος που μιλάει η θεία Ροζ, σου δίνει δύναμη.</p> <p>Είχε νυχτώσει, οι ήχοι ακούγονταν πιο δυνατοί στο μισοσκόταδο, το φεγγάρι καθρεφτιζόταν στο λινόλαιο του διαδρόμου.</p> <p>Μπήκα στο δωμάτιο της Πέγκι και της πρότεινα το ντίσκμαν μου.</p> <p>«Σου 'φερα ν' ακούσεις το "Βαλς των νιφάδων".</p>	<p>- Она сама тебе сказала?</p> <p>- Нет, он сказал.</p> <p>- Вранье!</p> <p>- Не думаю. Уверен, что он ей нравится больше, чем я. Он сильнее, внушает доверие.</p> <p>- Вранье, говорю я тебе! Я на ринге выглядела, как мышка, а побеждала кетчисток, похожих на китов или гиппопотамов. Взять хотя бы Плюм Пуддинг, ирландку, сто пятьдесят кило натошак и в трусиках, еще до ее рекорда Гиннеса. У нее предплечье было с мое бедро, бицепсы - как окорока, ноги - руками не обхватишь. Никакой талии, ухватить совершенно не за что. Непобедимая!</p> <p>- Как же вам удалось?</p> <p>- Если не за что ухватиться, значит, оно круглое и катится. Я заставила ее побегать, чтобы она выбилась из сил, потом положила на лопатки. Понадобилась лебедка, чтобы ее поставить на ноги.</p> <p>У тебя, малыш мой Оскар, легкая кость и не слишком много мяса - что правда, то правда. Но чтобы понравиться, мяса и костей недостаточно, нужны достоинства души, а у тебя их множество.</p> <p>- У меня?</p> <p>- Пойди к Пегги Блю и расскажи ей, что у тебя на сердце.</p> <p>- Я немного устал.</p> <p>- Устал? Сколько тебе лет в настоящее время? Восемнадцать? В восемнадцать лет не устают.</p> <p>Моя Розовая мама так умеет сказать, что вы просто заражаетесь энергией. Наступила ночь, звуки в темноте сделались более отчетливыми, линолеум в коридоре отражал свет луны.</p> <p>Я вошел к Пегги и протянул ей мой проигрыватель.</p> <p>- На, послушай "Вальс снежинок". Это так</p>
---	---

<p>Είναι τόσο όμορφο, και σε θυμήθηκα.»</p> <p>Όσην ώρα η Πέγκι άκουγε το «Βαλς των νιφάδων», χαμογελούσε θαρρείς και το βαλς ήταν μια παλιά της φιλενάδα που της έλεγε ανέκδοτα στ' αφτί.</p> <p>Μου επέστρεψε τη συσκευή και μου είπε!</p> <p>«Ωραίο είναι».</p> <p>Αυτή ήταν η πρώτη της κουβέντα που μου είπε. Δεν είναι θαυμάσια για πρώτη κουβέντα;</p> <p>«Θέλω να σου πω κάτι, Πέγκι Μπλου! δε θέλω να χειρουργηθείς. Είσαι όμορφη έτσι. Είσαι όμορφη έτσι μπλε.»</p> <p>Πρόσεξα ότι της είχε αρέσει αυτό. Δεν ξέρω γιατί, αλλά της είχε αρέσει.</p> <p>«Απόψε, Όσκαρ, θέλω εσύ να με φυλάξεις απ' τα φαντάσματα.»</p> <p>«Βασίσου σε μένα, Πέγκι.» Καμάρινα. Τελικά, είχα νικήσει!</p> <p>«Φίλησε με.»</p> <p>Αυτή η ιστορία με τα φιλιά, πώς να το πω... φαίνεται πως τα κορίτσια τα 'χουν ανάγκη τα φιλιά. Όμως η Πέγκι, σε αντίθεση με την Κινέζα, δεν είναι ανώμαλη — μου πρότεινε το μάγουλο, και είν' αλήθεια ότι κι εγώ λαχταρούσα να τη φιλήσω.</p> <p>«Καληνύχτα, Πέγκι.»</p> <p>«Καληνύχτα, Όσκαρ.»</p> <p>Έτσι πέρασε η μέρα μου, Θεέ. Τώρα καταλαβαίνω γιατί την εφηβεία τη λένε άχαρη ηλικία. Είναι δύσκολη. Τελικά, όμως, έτσι και πατήσεις τα είκοσι, φτιάχνουν τα πράγματα. Άκου τώρα, λοιπόν, τη χάρη της ημέρας", θέλω να παντρευτώ την Πέγκι. Δεν είμαι σίγουρος αν ο γάμος ανήκει στα πνευματικά θέματα, αν δηλαδή είναι η ειδικότητα σου. Κάνεις και τέτοιες χάρες; Συνοικέσια; Αν όχι, πες το μου, για ν' απευθυνθώ στον ειδικό. Δε θέλω να σε πιέσω, αλλά σε προειδοποιώ: δεν έχω πολύ καιρό. Έχουμε, λοιπόν, και λέμε! γάμος του Όσκαρ και της Πέγκι Μπλου. Ναι ή όχι. Δες τι μπορείς να κάνεις.</p>	<p>красиво, что вспоминаешь тебя.</p> <p>Пегги прослушала "Вальс снежинок". Она улыбалась так, как будто вальс был ее старым другом и нашептывал ей на ушко что-то интересное.</p> <p>Она вернула мне проигрыватель и сказала:</p> <p>- Очень красиво.</p> <p>Это были первые ее слова. Правда, потрясающе для первых слов?</p> <p>- Пегги Блю, я хотел тебе сказать: не хочу, чтобы тебя оперировали. Ты очень красивая как есть. Тебе идет голубой цвет.</p> <p>Я отлично видел, что ей нравятся мои слова. Я сказал не для того, но было ясно, что ей нравится.</p> <p>- Я хочу, чтобы именно ты, Оскар, защищал меня от призраков.</p> <p>- Положись на меня, Пегги.</p> <p>Я был страшно горд. В конечном итоге я одержал победу!</p> <p>- Поцелуй меня.</p> <p>У них, у девчонок, это просто коронный номер - поцелуй, не могут без этого обойтись. Но, в отличие от Китайки, Пегги не была такой порочной, она просто подставила мне щеку, и, правду сказать, от этого поцелуя меня самого в жар бросило.</p> <p>- Спокойной ночи, Пегги.</p> <p>- Спокойной ночи, Оскар.</p> <p>Вот таким, Господи, был мой день. Я понял, почему отрочество называют переходным возрастом. Тяжелая пора. Но после двадцати все налаживается. Итак, посылаю тебе просьбу этого дня: мне бы хотелось, чтобы мы с Пегги поженились. Не уверен, что женитьбы относится к области духовного, то есть, находится в твоём ведении. Выполняешь ли ты желания такого рода - в духе брачного агентства? Если это не в твоей компетенции, дай мне знать побыстрее, чтобы я мог обратиться к свахе. Не хотелось бы тебя торопить, но вынужден напомнить, что времени у меня совсем немного. Так вот: женитьба Оскара и Пегги Блю. Да или нет. Посмотри, можешь ли это сделать, мне бы очень хотелось.</p>
---	--

<p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p> <p>Υ.Γ. Αλήθεια, ποια είναι η διεύθυνση σου;</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Πάει κι αυτό. Παντρεύτηκα. Έχουμε 21 Δεκεμβρίου, κι εγώ, παντρεμένος πια, μπαίνω στα τριάντα μου. Όσο για παιδιά, η Πέγκι Μπλου κι εγώ αποφασίσαμε ότι δεν είναι ακόμα ώρα. Στην πραγματικότητα, πιστεύω ότι δεν είναι έτοιμη.</p> <p>Όλα έγιναν την περασμένη νύχτα.</p> <p>Γύρω στη μία μετά τα μεσάνυχτα άκουσα το κλάμα της Πέγκι Μπλου. Ανασηκώθηκα στο κρεβάτι μου. Τα φαντάσματα! Η Πέγκι Μπλου βασανιζόταν από τα φαντάσματα, ενώ της είχα υποσχεθεί να τη φυλάω. Θα 'βαζε με το νου της ότι ήμουν ένας γελοίος, δε θα μου ξαναμιλούσε πια και θα 'χε δίκιο.</p> <p>Σηκώθηκα και πήγα προς τα εκεί απ' όπου ακούγονταν κραυγές. Φτάνοντας στο δωμάτιο της Πέγκι, την είδα καθισμένη στο κρεβάτι της να με κοιτάει έκπληκτη. Μα κι εγώ είχα σαστισμένο ύφος, γιατί, ξαφνικά, είχα μπροστά μου την Πέγκι Μπλου να με κοιτάζει με κλειστό το στόμα, ενώ συνέχιζα ν' ακούω φωνές.</p> <p>Έτσι προχώρησα μέχρι την επόμενη πόρτα, και τότε κατάλαβα ότι ήταν ο Μπέικον αυτός που στριφογύριζε στο κρεβάτι του γιατί τον πονούσαν τα εγκαύματα. Για μια στιγμή ένιωσα τύψεις, γιατί θυμήθηκα τη μέρα που είχα βάλει φωτιά στο σπίτι, στη γάτα, στο σκύλο, ακόμα και τη μέρα που είχα ψήσει τα χρυσόψαρα (τελικά, νομίζω ότι μάλλον έπρεπε να τα βράσω), αναλογίστηκα τι πρέπει να είχαν τραβήξει, κι είπα μέσα μου ότι, στο κάτω κάτω, καλύτερα που είχαν πεθάνει, απ' το να βασανίζονται ατελείωτα με τις αναμνήσεις και τα εγκαύματα όπως ο Μπέικον, παρ' όλες τις πλαστικές και τις αλοιφές.</p> <p>Ο Μπέικον κουλουριάστηκε και σταμάτησε να κλαίει. Ξαναπήγα στις Πέγκι Μπλου.</p> <p>«Δεν ήσουν εσύ, ε;» της είπα. «Πάντα νόμιζα ότι εσύ φωνάζεις τις νύχτες.»</p> <p>«Κι εγώ νόμιζα ότι ήσουν εσύ.»</p> <p>Δεν μπορούσαμε να πιστέψουμε σ' αυτά που λέγαμε, σ' αυτά που ακούγαμε! στην πραγματικότητα, ο καθένας σκεφτόταν τον άλλον</p>	<p>До завтра, целую Оскар</p> <p>P.S. На самом деле, какой же у тебя адрес?</p> <p>Дорогой Бог!</p> <p>Свершилось, мы поженились. Сегодня 21 декабря, я разменял третий десяток, и я женат. Что касается детей, то мы с Пегги пока это отложили. Думаю, что она еще не готова.</p> <p>Все произошло прошлой ночью.</p> <p>В час ночи я услышал, что Пегги Блю стонет. Я просто подскочил на кровати. Призраки! Они терзают Пегги Блю, которую я обещал охранять. Она решит теперь, что я просто болтун, перестанет со мной разговаривать и будет права.</p> <p>Я встал и двинулся в сторону стонов. Дойдя до комнаты Пегги, я увидел, что она сидит в постели. Мой приход ее удивил. Должно быть, и у меня вид был удивленный: она сидела прямо против меня, смотрела на меня, рот ее был закрыт, но я продолжал слышать крики.</p> <p>Тогда я дошел до следующей двери и понял, что стонет Копченное сало. Он прямо корчился в своей кровати от ожогов. На мгновение мне стало стыдно: я снова вспомнил день, когда поджег дом, кошку, собаку и даже поджарил золотых рыбок -- впрочем, они скорее сварились. Я подумал о том, что им пришлось пережить, и сказал себе, что в конце концов лучше было бы все оставить как есть, чем постоянно терзаться воспоминаниями и ожогами, как вот теперь терзается Копченное сало, несмотря на мази и пересадки кожи.</p> <p>Копченное сало скорчился и перестал стонать. Я вернулся к Пегги Блю.</p> <p>- Значит, это не ты стонала, Пегги? Я-то считал, что по ночам кричишь именно ты.</p> <p>- А я думала, что ты.</p> <p>Больше мы не возвращались к тому, что было, и о чем каждый себе говорил. Оказалось, что мы давно уже думали друг о</p>
---	---

<p>εδώ και πολύ καιρό.</p> <p>Η Πέγκι Μπλου έγινε ακόμα πιο μπλε, κάτι που σήμαινε ότι ένιωθε αμήχανα.</p> <p>«Τι θα κάνεις τώρα, Όσκαρ;»</p> <p>«Δεν ξέρω. Εσύ;»</p> <p>Είναι να τρελαίνεσαι το πόσα κοινά σημεία έχουμε, πόσες κοινές ιδέες, πόσες ίδιες ερωτήσεις.</p> <p>«Θες να κοιμηθείς μαζί μου;»</p> <p>Είναι απίστευτα τα κορίτσια! Εγώ, μια τέτοια φράση, πριν την ξεστομίσω, θα τη γυρόφερνα στο νου μου ώρες, εβδομάδες, μήνες. Εκείνη μου την πέταξε έτσι, απλά, με τον πιο φυσικό τρόπο.</p> <p>«Ο.Κ.»</p> <p>Κι ανέβηκα στο κρεβάτι της. Ήμαστε λίγο στριμωγμένοι, αλλά περάσαμε μια νύχτα υπέροχη. Η Πέγκι Μπλου μυρίζει φουντούκι, και το δέρμα της είναι απαλό· όχι όπως είναι το δικό μου μόνο κάτω από τα μπράτσα, αλλά παντού. Κοιμηθήκαμε πολύ, ονειρευτήκαμε πολύ, μείναμε για ώρες αγκαλιά, μιλήσαμε για τη ζωή μας.</p> <p>Όταν, το πρωί, μας βρήκε η κυρία Γκομέτ, η προϊσταμένη, παίχτηκε μια πραγματική όπερα. Έβαλε τις φωνές, η νυχτερινή νοσοκόμα έβαλε κι αυτή τις φωνές, η μία έβαζε τις φωνές στην άλλη, κι ύστερα στην Πέγκι, κι ύστερα σ' έμένα, χτυπούσαν τις πόρτες, έπαιρναν μάρτυρες, μας έλεγαν «τα δύστυχα» ενώ εμείς ήμαστε πανευτυχείς, και χρειάστηκε να καταφθάσει η θεία Ροζ για να βάλει ένα τέλος στη συναυλία.</p> <p>«Δεν αφήνετε ήσυχα τα παιδιά; Πιο πολύ σας ενδιαφέρει ο κανονισμός ή οι ασθενείς; Να σας πω εγώ για τον κανονισμό σας: χεσμένο τον έχω. Και τώρα, σιωπή! Πηγαίνετε αλλού να μαλλιοτραβηχτείτε. Δεν είμαστε σε αποδυτήρια εδώ!»</p> <p>Η γνωστή θεία Ροζ. Με πήγε στο δωμάτιο μου, και κοιμήθηκα λίγο.</p> <p>Όταν ξύπνησα, πιάσαμε την κουβεντούλα.</p> <p>«Λοιπόν, Όσκαρ; Είναι σοβαρό με την Πέγκι;»</p> <p>«Σοβαρό, λέει; Είμαι σούπερ-ευτυχισμένος. Παντρευτήκαμε χθες τη νύχτα.»</p>	<p>друге.</p> <p>Пегги Блю еще больше поголубела, что означало: она стесняется.</p> <p>- Что ты теперь намерен делать, Оскар?</p> <p>- А ты, Пегги?</p> <p>С ума сойти, сколько у нас было общего -- те же мысли, те же вопросы.</p> <p>- Хочешь поспать вместе со мной?</p> <p>Немыслимые создания, эти девчонки. Чтобы произнести подобную фразу, я бы потратил часы, недели, месяцы, прокручивая ее в голове. А она выдала ее так естественно, так просто.</p> <p>- О'кей.</p> <p>И я лег рядом с ней. Было тесновато, но мы провели чудесную ночь. Пегги пахла орехами, и кожа у нее была такая нежная, как у меня на тыльной стороне руки, но только у нее - повсюду. Мы долго спали, видели сны, мы прижались друг к другу, и каждый рассказал всю свою жизнь.</p> <p>Правда, утром, когда мадам Гоммет, старшая сиделка, обнаружила нас вместе, это был тот еще спектакль, настоящая опера. Она начала вопить, ночная сиделка тоже начала вопить, они орали сначала друг на друга, потом на Пегги, потом на меня, двери хлопали, они приглашали других в свидетели, называли нас "несчастенькими", хотя, на самом деле, мы были счастливы, и только приход Розовой мамы положил конец этому кошачьему концерту.</p> <p>- Не пора ли оставить детей в покое? Вам что важнее - правила или пациенты? Начхать мне на ваши правила, можете ими подтереться. А теперь тихо. Можете рвать на себе волосы в другом месте. Здесь не место для скандалов.</p> <p>Как всегда с Розовой мамой, о возражениях не могло быть и речи. Она отвела меня в мою комнату, и я немного поспал. Когда проснулся, мы смогли поговорить.</p> <p>- Так значит, с Пегги у тебя все серьезно, Оскар?</p> <p>- Супер, Розовая мама. Я совершенно счастлив. Этой ночью мы поженились</p>
--	---

<p>«Пαντρευτήκατε;»</p> <p>«Ναι. Κάναμε ό,τι κάνουν ένας άντρας και μια γυναίκα όταν είναι παντρεμένοι.»</p> <p>«Α ναι;»</p> <p>«Για ποιον με περνάτε; Είμαι... Τι ώρα είναι; Είμαι είκοσι και κάτι, και ζω όπως θέλω — εντάξει;»</p> <p>«Βεβαίως!»</p> <p>«Και φανταστείτε: ό,τι σιχαινόμουν πριν, όταν ήμουν νέος, τα φιλιά, τα χάδια — ε, λοιπόν, τελικά μου άρεσαν. Περίεργο πώς αλλάζει ο άνθρωπος, ε;»</p> <p>«Χαίρομαι για σένα, Όσκαρ. Προοδεύεις.»</p> <p>«Ένα πράγμα μόνο δεν κάναμε: το φιλί με γλώσσα. Η Πέγκι φοβήθηκε μην πιάσει παιδί. Εσείς τι νομίζετε;»</p> <p>«Νομίζω ότι έχει δίκιο.»</p> <p>«Α ναι; Αν μπορείς να πιάσεις παιδί μ' ένα φιλί στο στόμα, αυτό το τι σημαίνει; Ότι θ' αποκτήσω παιδί με την Κινέζα;»</p> <p>«Ηρέμησε, Όσκαρ. Έχεις πολύ λίγες πιθανότητες — πάρα πολύ λίγες.»</p> <p>Είχε καθησυχαστικό ύφος η θεία Ροζ, κι αυτό με ηρέμησε λιγάκι, γιατί πρέπει να σ' το πω, Θεέ (σε σένα και μόνο σε σένα) ότι με την Πέγκι Μπλου, μία φορά... άντε·, δύο... ίσως και τρεις, βάλαμε και γλώσσα.</p> <p>Κοιμήθηκα λιγάκι. Το μεσημέρι, φάγαμε μαζί, η θεία Ροζ κι εγώ, κι άρχισα να αισθάνομαι καλύτερα.</p> <p>«Δεν μπορείτε να φανταστείτε πόσο κουρασμένος ήμουν σήμερα το πρωί.»</p> <p>«Φυσικό δεν είναι; Όταν είμαστε μεταξύ είκοσι και είκοσι πέντε, βγαίνουμε τα βράδια, διασκεδάζουμε, κάνουμε άτακτη ζωή, ξοδεύουμε λεφτά από δω κι από κει, κι όλα αυτά πληρώνονται.</p> <p>Τι λες; Πάμε να δούμε το Θεό;»</p> <p>«Μπα; Ξέρετε τη διεύθυνση του;»</p> <p>«Νομίζω ότι είναι στο παρεκκλήσι.»</p> <p>Η θεία Ροζ μ' έντυσε σαν να πηγαίναμε στον Βόρειο Πόλο, με πήρε αγκαλιά και με πήγε στο</p>	<p>- Поженились?</p> <p>- Да. Мы делали все, что делают мужчина и женщина, когда они женаты.</p> <p>- Вот как?</p> <p>- За кого вы меня принимаете? Я - кстати, который час? -- разменял третий десяток и теперь веду соответствующую жизнь, верно?</p> <p>- Разумеется.</p> <p>- И, знаете, разные там штучки, которые в молодости были мне противны, - поцелуй, ласки, -- так вот теперь мне это нравится. Просто удивительно, как мы меняемся.</p> <p>- Очень рада за тебя, Оскар. Хорошо растешь.</p> <p>- Одна вещь пока не получается -- поцелуй, когда языками соприкосаешься. Пегги Блю боится, что от этого будут дети. А вы как думаете?</p> <p>- Думаю, она права.</p> <p>- В самом деле? Если целуешь в рот, могут появиться дети? Значит, они будут у нас с Китайкой.</p> <p>- Успокойся, Оскар, шансов не так уж и много. Скорее, мало.</p> <p>Вид у Розовой мамы был уверенный, и я немного успокоился, потому что должен сказать тебе, Господи, тебе и только тебе, что один, а, может, и два, и больше раз мы с Пегги Блю все же соприкоснулись языками. Я немного поспал.</p> <p>Обедали мы вместе, Розовая мама и я, и мне стало получше.</p> <p>- С ума сойти, как я устал сегодня утром.</p> <p>- Это нормально. Между двадцатью и двадцатью пятью годами ночами не спишь, вечно что-нибудь празднуешь, жизнь ведешь разгульную, силы не экономишь. Приходится расплачиваться.</p> <p>Не повидаться ли нам с Господом?</p> <p>- Наконец-то, у вас есть его адрес?</p> <p>- Думаю, его можно найти в часовне.</p> <p>Розовая мама одела меня так, будто мы собираемся на Северный полюс, взяла на</p>
--	---

<p>παρεκκλήσι που βρίσκεται στο βάθος του κήπου, πέρα από το παγωμένο γκαζόν... — μα τι κάθομαι τώρα και σου περιγράφω; Το σπίτι σου;</p> <p>Έπαθα σοκ όταν είδα το άγαλμα σου, όταν είδα σε τι κατάσταση ήσουν, σχεδόν γυμνός, σκελετωμένος πάνω στο σταυρό, όλο πληγές, με ματωμένο μέτωπο απ' τ' αγκάθια, και το κεφάλι γερτό. Θυμήθηκα το δικό μου χάλι. Εξοργίστηκα. Αν ήμουνα Θεός, όπως εσύ, δε θ' άφηνα να μου τα κάνουν αυτά.</p> <p>«Τώρα μιλάτε σοβαρά, θεία Ροζ; Εσείς, μια παλαιστρια, μια μεγάλη πρωταθλήτρια, είναι δυνατόν να πιστεύετε σ' αυτό;»</p> <p>«Γιατί, Όσκαρ; Θα 'δινες περισσότερη πίστη στο Θεό αν έβλεπες έναν μποντιμπίλντερ με δουλεμένα ποντίκια, εξογκωμένους μύες, λαδωμένο δέρμα, κοντό μαλλί και προκλητικό σλιπάκι;»</p> <p>«Μα...»</p> <p>«Σκέψου, Όσκαρ. Ποιον Θεό νιώθεις πιο κοντά σου; Το Θεό που δεν αισθάνεται τίποτα, ή το Θεό που υποφέρει;»</p> <p>«Αυτόν που υποφέρει, φυσικά! Εγώ, όμως, αν ήμουν στη θέση του, αν ήμουνα Θεός, αν είχα τα μέσα όπως αυτό, θα φρόντιζα να μην υποφέρω.»</p> <p>«Κανείς δεν μπορεί να το αποφύγει αυτό. Ούτε ο Θεός, ούτε εσύ, ούτε οι γονείς σου, ούτε εγώ.» «Εντάξει, εντάξει. Γιατί να υποφέρουμε, όμως;»</p> <p>«Κοίταξε καλύτερα το πρόσωπο του. Παρατήρησε! σου δίνει την εντύπωση ότι υποφέρει;» «Όχι. Τι περίεργο... Δε φαίνεται να πονάει.» «Ακριβώς.»</p> <p>Υπάρχουν δύο ειδών πόνοι, μικρέ μου Όσκαρ". ο σωματικός και ο ψυχικός. Τον σωματικό πόνο μάς τον προκαλούν άλλοι· τον ψυχικό, τον επιλέγουμε.»</p> <p>«Δεν καταλαβαίνω.»</p> <p>«Όταν σου καρφώνουν καρφιά στις παλάμες και στα πόδια, δεν μπορείς να κάνεις αλλιώς: πονάς. Το υπομένεις. Αντίθετα, στην ιδέα του θανάτου δεν είσαι υποχρεωμένος να πονάς.</p> <p>Δεν ξέρεις τι είναι. Άρα, εξαρτάται από σένα.»</p>	<p>руки и доставила в часовню, которая находится в глубине больничного парка, над замершими лужайками. Впрочем, незачем объяснять тебе, где она находится, поскольку ты и сам знаешь, где твой дом.</p> <p>Я был потрясен, когда увидел твою статую, то есть состояние, в котором ты находишься -- почти голый, худой на своем кресте, повсюду раны, кровь из-под венца с его шипами, и даже голова уже не держится - склонилась к плечу. Тут я о себе подумал. И все во мне восстало. Если бы я был Богом, как ты, я бы не позволил такого с собой сотворить.</p> <p>- Розовая мама, положи руку на сердце, вы, бывшая кетчистка и великая чемпионка, вы ведь не можете доверять такому!</p> <p>- Почему же, Оскар? Разве больше доверия к Богу испытал бы ты, видя культуриста с ухоженным телом, накаченными мышцами, масляной кожей, короткой стрижкой и нарядными плавками?</p> <p>- Но...</p> <p>- Поразмысли, Оскар. К чему ты чувствуешь себя ближе? К Богу, который ничего не испытывает, или к Богу, который страдает?</p> <p>- Конечно, к тому, который страдает. Но если бы я был им, если бы я был Богом и обладал его возможностями, я бы избежал страданий.</p> <p>- Никто не может избежать страданий. Ни Бог, ни ты. Ни твои родители, ни я.</p> <p>- Ладно. Пусть так. Но почему надо страдать?</p> <p>- Вот именно. Разные есть страдания. Вглядиись хорошенько в его лицо. Посмотри внимательно. Заметно по нему, что он страдает?</p> <p>- Нет. Это странно. Но ему как будто и не больно.</p> <p>- Видишь. Надо различать мучения физические и мучения моральные. И если физические страдания мы испытываем, то страдания моральные мы сами себе выбираем.</p> <p>- Не понимаю.</p> <p>- Если тебе в ступни или в ладони вбивают гвозди, ничего, кроме боли, ты испытать не можешь. И ты ее испытываешь. Зато при мысли о смерти испытывать боль совершенно не обязательно. Ты не знаешь, что это такое. Значит, все зависит только от тебя.</p>
---	--

<p>«Ξέρετε κανέναν που να χαίρεται στη σκέψη ότι θα πεθάνει;»</p> <p>«Ναι· ξέρω. Η μητέρα μου ήταν έτσι. Ψυχορραγούσε χαμογελώντας από λαχτάρα, από ανυπομονησία, απ' τη βιασύνη να γνωρίσει τι της έμελλε.»</p> <p>Δεν είχα άλλα επιχειρήματα. Κι επειδή μ' ενδιέφερε να μάθω τη συνέχεια, άφησα να περάσει λίγος χρόνος, γυροφέρνοντας στο νου μου αυτά που μου είχε πει</p> <p>«Όμως, οι περισσότεροι άνθρωποι δεν είναι περίεργοι. Γαντζώνονται σ' αυτά που έχουν, όπως ένας ψύλλος στ' αφτί ενός φαλακρού. Πάρε την Πουτίγκα για παράδειγμα, την ιρλανδέζα αντίπαλο μου με τα εκατόν πενήντα κιλά. Μου 'λεγε πάντα: "Να με συγχωρείς, αλλά εγώ δεν πρόκειται να πεθάνω· δεν έχω κάνει καμία τέτοια συμφωνία, δεν έχω υπογράψει κανένα συμβόλαιο". Έκανε λάθος. Κανείς δεν της είχε πει ότι η ζωή είναι αιώνια, κανείς! Εκείνη επέμενε να το πιστεύει, αντιδρούσε, απέκρουε την ιδέα του θανάτου, θύμωνε, έπαθε κατάθλιψη, αδυνάτισε, σταμάτησε τη δουλειά, έφτασε να ζυγίζει τριάντα κιλά, σαν ρέγγα είχε καταντήσει, κι έγινε χίλια κομμάτια. Και ενώ, φυσικά, πέθανε, όπως όλος ο κόσμος, η ιδέα και μόνο πως θα πέθαινε της κατάστρεψε τη ζωή.»</p> <p>«Ήταν χαζή η Πουτίγκα, θεία Ροζ.»</p> <p>«Σαν χωριάτικο πατέ. Όμως το χωριάτικο πατέ είναι πολύ διαδεδομένο... πολύ συνηθισμένο.»</p> <p>Συμφώνησα και κούνησα το κεφάλι μου καταφατικά.</p> <p>«Οι άνθρωποι φοβούνται να πεθάνουν, γιατί τρέμουν το άγνωστο. Όμως τι είναι το άγνωστο; Εγώ, Όσκαρ, σου προτείνω να μη φοβάσαι και να έχεις εμπιστοσύνη. Κοίτα το πρόσωπο του Θεού πάνω στο σταυρό: υπομένει τον σωματικό πόνο, αλλά, επειδή έχει εμπιστοσύνη, δε νιώθει τον ψυχικό. Τα καρφιά δεν τον πονάνε τόσο πολύ. Αυτά είχα να σου πω. Αυτό κερδίζεις με την πίστη. Κι ήθελα να σ' το δείξω.»</p> <p>«Ο.Κ., θεία Ροζ, όταν θα τα χρειαστώ απ' το φόβο μου, θα βάλω τα δυνατά μου για να έχω εμπιστοσύνη.»</p> <p>Με φίλησε. Τελικά, Θεέ, ήταν ωραία μαζί σου σ' εκείνη την ερημική εκκλησία με την τόσο γαλήνια</p>	<p>- Знаете ли вы людей, которых радовала бы мысль о смерти?</p> <p>- Да, я знаю таких людей. Такой была моя мать. На смертном своем ложе она улыбалась от удовольствия, ей не терпелось, она спешила познать то, что должно произойти.</p> <p>Возражать не хотелось. Поскольку мне интересно было узнать продолжение, я помолчал какое-то время, раздумывая над тем, что она мне говорила.</p> <p>- Однако люди по большей части не любопытны. Они цепляются за то, что имеют, как вошь -- за ухо хозяина, побритого наголо. Возьмем, к примеру, Плюм Пуддинг, мою ирландскую соперницу, сто пятьдесят кило натошак. Она всегда говорила мне так: "Мне очень жаль, но я не умру, не согласна умереть, и не договаривалась". Она ошибалась. Никто ведь и о вечной жизни с ней не договаривался! Но она упорно в нее верила, бунтовала, отвергала мысль о бренности, приходила в ярость, впадала в депрессию, похудела, бросила профессию, вес ее снизился до тридцати пяти килограммов, она стала похожа на обглоданную рыбину и буквально распалась на части. Видишь, она тоже оказалась смертной, как и все люди, но только ей мысль о смерти испортила жизнь.</p> <p>- Плюм Пуддинг была дурочкой, Розовая мама.</p> <p>- Круглой дурой. Но это весьма распространенный вариант.</p> <p>Здесь я снова кивнул головой, потому что был вполне согласен.</p> <p>- Люди боятся умирать, потому что им внушает страх неизвестность. Но что такое неизвестность? Предлагаю тебе, Оскар, заменить страх доверием. Вглядишься в лицо Бога на кресте: он испытывает муки физические, но не моральные, потому что верит. И сразу гвозди уже не так ужасны. Вот преимущества веры. Я хотела тебе их продемонстрировать.</p> <p>- О'кей, мадам, когда мне станет страшно, попробую заставить себя поверить.</p> <p>Она меня поцеловала. В итоге было неплохо в пустынной церкви наедине с тобой, Господи: у</p>
---	--

<p>ατμόσφαιρα.</p> <p>Όταν γυρίσαμε, κοιμήθηκα για πολλή ώρα. Τώρα τελευταία, νυστάζω όλο και πιο πολύ — σαν λεχώνα. Μόλις ξύπνησα, είπα στη θεία Ροζ:</p> <p>«Να σας πω κάτι; Δεν είναι ότι φοβάμαι το άγνωστο. Αυτό που μου τη δίνει, είναι ότι θα χάσω αυτά που ξέρω.»</p> <p>«Κι εγώ σαν κι εσένα είμαι, Όσκαρ. Τι θα 'λεγες να καλούσαμε την Πέγκι Μπλου για ένα τσάι;»</p> <p>Η Πέγκι Μπλου, λοιπόν, ήρθε κι ήπιαμε ένα τσάι μαζί. Έδειχνε να τα πηγαίνει πολύ καλά με τη θεία Ροζ, και γελάσαμε πολύ όταν η θεία Ροζ μας διηγήθηκε τον αγώνα της εναντίον των Αδελφών Ζικλέτ που ήταν τρίδυμες αλλά περνούσαν για μία. Μετά το τέλος κάθε γύρου, η Ζικλέτ που είχε εξουθενώσει την αντίπαλο της χοροπηδώντας πέρα-δώθε, πηδούσε έξω από το ρινγκ λέγοντας ότι πήγαινε για πιπί, έτρεχε στις τουαλέτες, κι αυτή που γύριζε ήταν η αδελφή της, φρέσκια-φρέσκια για να συνεχίσει τον αγώνα. Και ούτω καθεξής.</p> <p>Όλοι νόμιζαν ότι υπήρχε μόνο μία, ακαταπρόσητη Ζικλέτ. Η θεία Ροζ ανακάλυψε το κόλπο, κλείδωσε τις δύο αναπληρωματικές στις τουαλέτες, πέταξε το κλειδί από το παράθυρο και νίκησε αυτήν που είχε μείνει. Θέλει μυαλό το κατς.</p> <p>Μετά, η θεία Ροζ έφυγε. Οι νοσοκόμες μάς προσέχουν, την Πέγκι Μπλου κι εμένα, σαν να ήμαστε βαρελότα έτοιμα να εκραγούν. Γαμώτο, είμαι ή δεν είμαι τριάντα χρονών άντρας; Η Πέγκι Μπλου μου υποσχέθηκε ότι απόψε, μόλις βρει την ευκαιρία, θα 'ρθει εκείνη να με βρει, κι εγώ της υποσχέθηκα ότι, αυτή τη φορά, δε θα βάλω γλώσσα.</p> <p>Η αλήθεια είναι ότι παιδιά δεν είναι δύσκολο να κάνεις — άντε μετά, όμως, να βρεις χρόνο να τα μεγαλώσεις.</p> <p>Αυτά, Θεέ. Δεν ξέρω τι να σου ζητήσω απόψε, γιατί η μέρα μου ήταν πολύ όμορφη μέρα. Ή μάλλον ναι: Φρόντισε να πάει καλά αύριο η εγχείρηση της Πέγκι Μπλου... όχι όπως η δικιά μου, αν καταλαβαίνεις τι θέλω να πω.</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p>	<p>тебя был такой умиротворенный вид.</p> <p>Вернувшись, я долго спал. Спать хочется все чаще. Потребность какая-то. Проснувшись, я сказал Розовой маме:</p> <p>- На самом деле, неизвестности я не боюсь. Мне только жаль потерять то, что я узнал.</p> <p>- У меня точно так, как у тебя, Оскар. А не позвать ли нам Пегги Блю на чашечку чаю?</p> <p>Пегги Блю пила с нами чай, они отлично поладили с Розовой мамой, и мы жутко смеялись, когда Розовая мама рассказывала историю своей битвы с сестрами Жиклет, тройняшками, которые пытались выдать себя за одно лицо. После очередного раунда, одна из сестричек, измотав противника и вдоволь напрыгавшись, покидала ринг под предлогом пойти пописать, пряталась в туалете, а другая сестра, свеженькая, в отличной форме, являлась продолжить бой. А потом и третья.</p> <p>Все считали, что есть только одна Жиклет, неутомимая прыгунья. Розовая мама раскрыла тайну, заперла двух сестричек в туалете, выбросив ключ в окно, и доконала оставшуюся. Такой хитроумный спорт, этот кетч.</p> <p>Потом Розовая мама ушла. Сиделки следят за нами с Пегги, как будто мы две взрывоопасные петарды. Черт побери! Мне ведь уже тридцать. Пегги Блю поклялась, что нынешней ночью сама ко мне придет, как только сможет; в ответ я поклялся, что на сей раз обойдусь без языка.</p> <p>В самом деле, иметь детей - это еще не все, надо иметь время их воспитать.</p> <p>Вот так, Господи. Не знаю, чего попросить у тебя сегодня, потому что день был очень хороший. Хотя знаю! Сделай так, чтобы завтрашняя операция Пегги Блю прошла хорошо. Не так, как моя, если понимаешь, что я хочу сказать.</p> <p>До завтра, целую, Оскар</p>
---	---

<p>Υ.Γ. Η εγχείρηση δεν είναι πνευματικό θέμα, οπότε μπορεί να μην το 'χεις στο μαγαζί σου. Αν είναι έτσι, φρόντισε τουλάχιστον ώστε, όποιο κι αν είναι το αποτέλεσμα της εγχείρησης, η Πέγκι Μπλου να το πάρει καλά. Βασίζομαι σε σένα.</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Σήμερα χειρουργήθηκε η Πέγκι Μπλου. Πέρασα δέκα τρομερά χρόνια. Είναι δύσκολη αυτή η δεκαετία των τριάντα· είναι η ηλικία της έγνοιας και των ευθυνών.</p> <p>Τελικά, η Πέγκι δεν μπόρεσε να έρθει χτες τη νύχτα, γιατί η κυρία Ντικρί, η νυχτερινή αδελφή, έμεινε μαζί της για να την προετοιμάσει για τη νάρκωση. Το φορείο την πήρε γύρω στις οκτώ. Ένωσα ένα σφίξιμο στην καρδιά όταν είδα την Πέγκι να περνάει ξαπλωμένη πάνω στο φορείο, κι έτσι όπως είναι κοντούλη κι αδύνατη, ίσα που φαινόταν κάτω από τα πράσινα σεντόνια.</p> <p>Η θεία Ροζ μου κράτησε το χέρι για να μην тαραχτώ. «Γιατί ο Θεός σας, θεία Ροζ, τα επιτρέπει αυτά σε ανθρώπους όπως η Πέγκι κι εγώ;»</p> <p>«Ευτυχώς που υπάρχουνε, μικρέ μου Όσκαρ... Πόσο άσχημη θα 'ταν η ζωή χωρίς εσάς!»</p> <p>«Όχι... δεν καταλαβαίνετε. Γιατί ο Θεός επιτρέπει να είμαστε άρρωστοι; Είναι κακός ή απλώς δεν είναι έξυπνος;»</p> <p>«Η αρρώστια είναι σαν το θάνατο, Όσκαρ. Είναι γεγονός. Δεν είναι τιμωρία.»</p> <p>«Πώς φαίνεται ότι δεν είστε άρρωστη!»</p> <p>«Αχ και να 'ξερες, Όσκαρ...»</p> <p>Αυτό με τσάκισε. Δε μου 'χε περάσει από το νου ότι η θεία Ροζ που είναι πάντα τόσο διαθέσιμη, τόσο περιποιητική, μπορούσε να έχει τα δικά της προβλήματα.</p> <p>«Μη μου κρύβετε πράγματα, θεία Ροζ — έμενα μπορείτε να μου τα λέτε όλα. Είμαι σχεδόν τριάντα δύο ετών, έχω καρκίνο, η γυναίκα μου έκανε μια σοβαρή εγχείρηση — άρα, την έχω φάει τη ζωή με το κουτάλι.»</p> <p>«Σ' αγαπώ, Όσκαρ.»</p>	<p>P.S. Οперация -- вещь не из области духовного, и, возможно, не в твоей компетенции. Тогда сделай так, чтобы Пегги Блю, каким бы ни был результат операции, восприняла его хорошо. Полагаюсь на тебя.</p> <p>Дорогой Бог,</p> <p>сегодня Пегги Блю прооперировали. Я провел ужасных десять лет. Тридцать лет - тяжелый возраст, возраст забот и ответственности.</p> <p>На самом деле, Пегги не смогла прийти ко мне ночью, потому что мадам Дюкрю, ночная сиделка, всю ночь провела у нее в комнате, чтобы подготовить ее к анестезии. Каталка увезла ее в восемь утра. У меня сердце сжалось, когда я увидел, как ее везут, такую маленькую и худенькую, что еле было видно под зелеными простынями.</p> <p>Розовая мама держала меня за руку, чтобы я не так сильно нервничал. - Почему твой Бог, Розовая мама, допускает, чтобы на свет появлялись такие, как мы с Пегги? - Это к счастью, что допускает, малыш мой Оскар, без вас жизнь была бы не так прекрасна.</p> <p>- Нет. Вы не понимаете. Почему Бог позволяет, чтобы мы болели? Значит, он или злой, или не такой уж всемогущий.</p> <p>- Оскар, болезнь -- это как смерть. Данность. Не наказание.</p> <p>- Сразу видно, что вы не болеете!</p> <p>- Что ты об этом знаешь, Оскар?</p> <p>Это меня сразило. Я никогда не думал, что Розовая мама, всегда такая приветливая, внимательная, может иметь свои проблемы.</p> <p>- Не следует ничего от меня скрывать, Розовая мама, скажите мне все. Мне тридцать два года как минимум, у меня рак, жена в данный момент в операционной, я в этом разбираюсь.</p> <p>- Я тебя люблю, Оскар.</p>
---	---

<p>«Κι εγώ. Τι μπορώ να κάνω για να σας λύσω τα προβλήματα; Θέλετε να σας υιοθετήσω;»</p> <p>«Να με υιοθετήσεις;»</p> <p>«Ναι· όπως υιοθέτησα και τον Μπερνάρ όταν είδα ότι είχε τις μαύρες του.»</p> <p>«Ποιος είναι ο Μπερνάρ;»</p> <p>«Ο αρκούδος μου. Εκεί, στο ντουλάπι... πάνω στο ράφι. Είναι ο παλιός μου αρκούδος — δεν έχει πια ούτε μάτια ούτε στόμα ούτε μύτη, έχει αδειάσει σχεδόν ο μισός, κι είναι όλο σκισίματα. Σας μοιάζει λίγο. Τον υιοθέτησα το βράδυ που οι δύο χαζοί γονείς μου μού έφεραν έναν καινούργιο. Λες και υπήρχε περίπτωση να δεχτώ εγώ έναν καινούργιο αρκούδο! Καλύτερα να αντικαθιστούσαν εμένα μ' ένα ολοκαίνουργιο αδελφάκι! Από κείνη τη μέρα τον υιοθέτησα. Θα του αφήσω ό,τι έχω και δεν έχω. Θέλω να υιοθετήσω κι εσάς, αν αυτό νομίζετε ότι θα σας κάνει καλό.»</p> <p>«Μετά χαράς, Όσκαρ. Πιστεύω ότι θα μου κάνει πολύ καλό.»</p> <p>«Κόλλα το, λοιπόν, θεία Ροζ!»</p> <p>Ύστερα, πήγαμε κι ετοιμάσαμε το δωμάτιο της Πέγκι, φέραμε σοκολάτες, βάλουμε λουλούδια για την επιστροφή της.</p> <p>Μετά, κοιμήθηκα. Είναι απίστευτο πόσο κοιμάμαι τώρα τελευταία! Κατά το βραδάκι, με ξύπνησε η θεία Ροζ και μου είπε ότι η Πέγκι Μπλου είχε γυρίσει στο δωμάτιο της κι ότι η εγχείρηση είχε πετύχει.</p> <p>Πήγαμε μαζί να τη δούμε. Οι γονείς της στέκονταν στο προσκέφαλο της. Δεν ξέρω τι τους είχαν πει η Πέγκι ή η θεία Ροζ, αλλά έδειχναν να ξέρουν ποιος είμαι, γιατί μου φέρθηκαν με πολύ σεβασμό, μ' έβαλαν να καθίσω ανάμεσα τους, κι έτσι πρόσεχα τη γυναίκα μου μαζί με τα πεθερικά μου.</p> <p>Ήμουν χαρούμενος γιατί η Πέγκι ήταν ακόμα μπλε. Πέρασε ο γιατρός Ντίσελντορφ, έσιμξε τα φρύδια και είπε ότι το χρώμα θα άλλαζε σιγά-σιγά τις επόμενες ώρες. Κοίταξα τη μητέρα της Πέγκι που μπορεί να μην είναι μπλε αλλά είναι όμορφη, και είπα μέσα μου ότι, δε βαριέσαι, εγώ τη γυναίκα μου, την Πέγκι, θα την αγαπώ ό,τι χρώμα και να 'χει.</p> <p>Η Πέγκι άνοιξε τα μάτια, μας χαμογέλασε (σε</p>	<p>- Я тоже. Если у вас неприятности, чем я могу помочь? Хотите, я вас усыновлю?</p> <p>- Усыновишь меня?</p> <p>- Ну да, я уже усыновил Бернара, когда увидел, что он хандрит.</p> <p>- Бернара?</p> <p>- Моего медвежонка. Он там, в шкафу. На полке. Это мой старый медведь, у него уже ни глаз, ни рта, ни носа, опилки наполовину высыпались, и шрамы повсюду. Он чуть-чуть на вас похож. Я усыновил его в тот вечер, когда мои придурки-родители принесли мне нового медвежонка. Можно подумать, я согласился бы на нового! Им остается теперь заменить и меня новеньким братцем! С того момента я его усыновил. Ему, Бернару, я завещаю все свое имущество. Я и вас хочу усыновить, если это вас приободрит.</p> <p>- Да. Я хочу. Думаю, что меня это приободрит, Оскар.</p> <p>- Тогда по рукам, Розовая мама.</p> <p>Потом мы пошли приготовить комнату Пегги к ее возвращению, принесли шоколад, цветы поставили.</p> <p>Потом я уснул. С ума сойти, сколько я теперь сплю. К концу дня Розовая мама разбудила меня, говоря, что Пегги Блю вернулась, и что операция прошла удачно.</p> <p>Мы пошли к ней вместе. Там были и ее родители. Не знаю, кто им сообщил, Пегги или Розовая мама, но они как будто знали, кто я, обращались со мной уважительно, посадили на стул между собой, и я мог дежурить у постели моей жены вместе с тестем и тещей.</p> <p>Я был доволен, что Пегги по-прежнему голубоватого цвета.</p> <p>Заходил доктор Дюссельдорф, потер себе брови и сказал, что через несколько часов голубоватость пройдет. Я смотрел на мать Пегги, она не голубая, но все же очень красивая, и я сказал себе, что в конце концов моя жена Пегги может иметь тот цвет, который захочет. Я все равно буду ее любить.</p> <p>Пегги открыла глаза, улыбнулась нам, мне и</p>
---	---

<p>μένα, στους γονείς της) και ξανακοιμήθηκε. Οι γονείς της είχαν ησυχάσει, αλλά έπρεπε να φύγουν. «Σου εμπιστευόμαστε την κόρη μας» μου είπαν. «Ξέρουμε ότι μπορούμε να βασιζόμαστε σε σένα.»</p> <p>Έμεινα μαζί με τη θεία Ροζ μέχρι που η Πέγκι ξανάνοιξε τα μάτια, κι ύστερα πήγα στο δωμάτιο μου να ξεκουραστώ.</p> <p>Τώρα που τελειώνω το γράμμα μου, συνειδητοποιώ ότι, τελικά, δεν ήταν άσχημη η σημερινή μέρα. Οικογενειακή. Υιοθέτησα τη θεία Ροζ, συμπάθησα και με συμπάθησαν τα πεθερικά μου, και ξαναβρήκα τη γυναίκα μου υγιή, ακόμα κι αν, γύρω στις έντεκα, άρχισε να γίνεται ροζ.</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p> <p>Υ.Γ. Δεν έχει χάρη σήμερα. Θα ξεκουραστείς.</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Σήμερα πέρασα τη δεκαετία των σαράντα, κι έκανα τη μία βλακεία μετά την άλλη.</p> <p>Σου τα λέω γρήγορα γρήγορα, γιατί δεν αξίζει ν' ασχοληθώ για περισσότερο. Η Πέγκι Μπλου είναι καλά, αλλά ο Ποπ Κορν, που δε με χωνεύει πια, της έστειλε την Κινέζα για να με καρφώσει ότι την είχα φιλήσει στο στόμα.</p> <p>Ύστερα απ' αυτό, η Πέγκι μου είπε ότι είχαμε τελειώσει εμείς οι δυο. Διαμαρτυρήθηκα, της είπα ότι αυτό που είχε γίνει με την Κινέζα ήταν ένα νεανικό σφάλμα, ότι ήταν πολύ πριν τη γνωρίσω, ότι δεν μπορούσα να πληρώσω μια ζωή το παρελθόν μου.</p> <p>Εκείνη δεν έλεγε ν' ακούσει κουβέντα. Έγινε και φίλη με την Κινέζα για να με τσαντίσει, και τις άκουσα να χασκογελάνε παρέα.</p> <p>Κι έτσι, όταν η Μπριζίτ, το «μογγολάκι» (που κολλάει σ' όλο τον κόσμο γιατί τα «μογγολάκια», είναι γνωστό αυτό, τρελαίνονται για χιάδια), ήρθε στο δωμάτιο μου να μου πει καλημέρα, την άφησα να με φιλήσει παντού. Έκανε σαν παλαβή από τη χαρά της' σαν σκυλί που κάνει χαρές στ' αφεντικό του.</p> <p>Το πρόβλημα είναι ότι ο Αϊνστάϊν ήταν στο</p>	<p>своим родителям, и снова заснула. Ее родители успокоились, но им нужно было уходить.</p> <p>- Доверяем тебе нашу дочку, - так они мне сказали. Мы знаем, что на тебя можно положиться.</p> <p>Вместе с Розовой мамой я посидел, пока Пегги не открыла глаза во второй раз, а потом пошел отдыхать в свою комнату.</p> <p>Заканчивая свое письмо, отдаю себе отчет, что в результате день оказался удачным. Семейный день. Я усыновил Розовую маму, у меня сложились теплые отношения с тестем и тещей, жена вернулась ко мне в хорошем состоянии, пусть даже она и порозовела к одиннадцати часам,</p> <p>До завтра, целую, Оскар</p> <p>P.S. Сегодня никаких желаний. Тебе будет отдых.</p> <p>Дорогой Бог,</p> <p>сегодня мне между сорока и пятьюдесятью, и я делаю одни только глупости.</p> <p>Рассказываю быстро, потому что большего все это не заслуживает. Пегги Блю поживает неплохо, но Китайка, подосланная Попкорном, который меня теперь не выносит, насплетничала Пегги, что я целовал ее в губы.</p> <p>Из-за этого Пегги сказала мне, что между нами все кончено. Я возражал, говорил, что Китайка -- это ошибка молодости, что все это было до Пегги, и что она не может заставить меня платить за прошлое ценою всей моей жизни.</p> <p>Но она была неумолима. Они с Китайкой даже подружились, чтобы меня разозлить, и я слышал, как они вместе хохотали.</p> <p>И тогда я позволил Бригитте, трехмесячной собачке, которая ко всем ластится, и это нормально, потому что щенки всегда ласковые, я позволил ей, когда она утром пришла ко мне в комнату поздороваться, вылизать меня с ног до головы. Как же она была счастлива! Как безумная! Как будто устроила хозяину настоящий праздник.</p> <p>Беда в том, что в это время Эйнштейн</p>
--	--

<p>διάδρομο. Κι ο Αϊνστάϊν, μπορεί να 'χει νερό στο κεφάλι του, αλλά στραβός δεν είναι. Τα είδε όλα και τα είπε χαρτί και καλαμάρι στην Γιέγκι και την Κινέζα. Τώρα, κι ας μην έχω κουνήσει απ' το δωμάτιο μου, όλος ο όροφος με φωνάζει γυναϊκά.</p> <p>«Δεν ξέρω τι μ' έπιασε με την Μπριζίτ, θεία Ροζ...»</p> <p>«Η τρέλα της μέσης ηλικίας, Όσκαρ. Έτσι είναι όλοι οι άντρες μεταξύ σαράντα και πενήντα! θέλουν να σιγουρευτούν ότι μπορούν ν' αρέσουν και α άλλες γυναίκες εκτός απ' αυτές που αγαπούν.»</p> <p>«Εντάξει! είμαι φυσιολογικός. Κάνω και χαζομάρες, όμως, ε;»</p> <p>«Ναι! είσαι απολύτως φυσιολογικός.»</p> <p>«Τι πρέπει να κάνω;»</p> <p>«Ποιαν αγαπάς;»</p> <p>«Την Πέγκι — μόνο την Πέγκι.»</p> <p>«Πες της το, λοιπόν. Η σχέση δύο ανθρώπων είναι ευαίσθητη, κλονίζεται, αλλά, αν υπάρχει αγάπη, αξίζει να αγωνιστεί κανείς για να τη διατηρήσει.»</p> <p>Αύριο, Θεέ, είναι Χριστούγεννα. Δε μου 'χε περάσει απ' το μυαλό ότι είναι τα γενέθλια σου. Φρόντισε να τα ξαναφτιάξω με την Πέγκι, γιατί, δεν ξέρω αν φταίει αυτό, απόψε είμαι πολύ λυπημένος και δεν έχω δύναμη για τίποτα.</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p> <p>Υ.Γ. Τώρα που είμαστε φιλαράκια, τι δώρο θέλεις για τα γενέθλια σου;</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Στις οκτώ σήμερα το πρωί είπα στην Πέγκι Μπλου ότι την αγαπώ, ότι μόνο αυτήν αγαπώ κι ότι δεν μπορώ να φανταστώ τη ζωή μου μακριά της. Έβαλε τα κλάματα και μου εξομολογήθηκε ότι την είχα στενοχωρήσει πολύ, γιατί κι αυτή μόνο εμένα αγαπάει και δεν πρόκειται ποτέ να βρει άλλον, ιδίως τώρα που έχει γίνει ροζ.</p> <p>Και τότε—τι περίεργο!— βρεθήκαμε κι οι δυο να κλαίμε με αναφιλητά, αλλά το χαιρόμασταν! Έχει</p>	<p>οказался в коридоре. Может, в мозгу у него и вода, но с глазами все в порядке. Он все видел и рассказал Пегги с Китайкой. И теперь весь этаж обзывает меня распутным гулякой, хотя я даже из комнаты не выхожу.</p> <p>- Уж и не знаю, что на меня нашло, Розовая мама, с этой Бригиттой...</p> <p>- Бес в ребро, Оскар. Мужчины все такие от сорока до пятидесяти, они уверены в себе, они пытаются понять, могут ли нравиться другим женщинам, кроме той, которую любят.</p> <p>- Ладно, пусть я нормальный, как все, но, наверное, и дурак тоже, а?</p> <p>- Ты - абсолютно нормальный.</p> <p>- Что мне теперь делать?</p> <p>- Ты кого любишь?</p> <p>- Пегги и только Пегги.</p> <p>- Так скажи ей об этом. Первый брак всегда очень хрупкий, легко ломается, но надо биться за его сохранение, если он удачный.</p> <p>Завтра Рождество, Господи. Никогда я не осознавал, что это день твоего рождения. Сделай так, чтобы я помирился с Пегги, потому что, уж и не знаю, по причине ли нашей ссоры, но мне сейчас страшно грустно, и никакой бодрости духа не осталось.</p> <p>До завтра, целую, Оскар</p> <p>P.S. Теперь, когда мы стали друзьями, скажи, что подарить тебе на твой день рождения?</p> <p>Дорогой Бог,</p> <p>в восемь часов утра я сказал Пегги Блю, что люблю ее, никого, кроме нее, не любил и не представляю своей жизни без нее. Она расплакалась, призналась, что я причинил ей большое горе, потому что она тоже любит только меня, да и никого другого ей бы найти не удалось, особенно теперь, когда она порозовела.</p> <p>Потом, это любопытно, мы стали рыдать вместе, но это было так приятно. Так классно</p>
--	--

πλάκα η έγγαμη ζωή· ειδικά μετά τα πενήντα, όταν το ζευγάρι έχει περάσει δοκιμασίες.

Στις δέκα η ώρα κατάλαβα ότι ήταν Χριστούγεννα, ότι δε θα μπορούσα να μείνω με την Πέγκι, γιατί είχε φτάσει στο δωμάτιο της ολόκληρη η οικογένεια της (αδέρφια, θείοι, ανίψια, ξαδέρφια), κι ότι ήμουν υποχρεωμένος να υποστώ τους γονείς μου.

Τι δώρο θα μου 'καναν πάλι; Ένα παζλ με δεκαοκτώ χιλιάδες κομμάτια; Βιβλία στα κουρδικά; Ένα κουτί με οδηγίες χρήσεως; Μια φωτογραφία μου απ' όταν ήμουν καλά; Έχοντας να κάνω με δύο κρετινούς, που είναι τόσο έξυπνοι όσο μια σακούλα σκουπιδιών, έβλεπα μιαν απειλή να διαγράφεται στον ορίζοντα, κι ενώ φοβόμουν τα πάντα, ένα ήταν σίγουρο: ότι θα περνούσα μια τελείως χαζή μέρα.

Αποφάσισα στα γρήγορα να την κοπανήσω, κι άρχισα να οργανώνομαι. Λίγο μοίρασμα: τα παιχνίδια μου στον Αϊνστάιν, τον υπνόσακο μου στον Μπέικον, τις καραμέλες μου στον Ποπ Κορν. Λίγη παρακολούθηση: η θεία Ροζ, πριν φύγει, περνούσε πάντα από την γκαρνταρόμπα. Λίγη πρόβλεψη: οι γονείς μου δεν επρόκειτο να εμφανιστούν πριν το μεσημέρι.

Όλα πήγαν καλά: στις εντεκάμιση, η θεία Ροζ με φίλησε, μου ευχήθηκε να περάσω όμορφα τα Χριστούγεννα με τους γονείς μου, κι ύστερα τράβηξε για την γκαρνταρόμπα. Σφύριξα. Ο Ποπ Κορν, ο Αϊνστάιν και ο Μπέικον μ' έντυσαν στα γρήγορα και με πήγαν σηκωτό ως την γκρανκάσα της θείας Ροζ, ένα αυτοκίνητο πιο παλιό απ' τη λάσπη. Ο Ποπ Κορν, που είναι σαΐνι στο ν' ανοίγει κλειδαριές, μια και είχε την τύχη να μεγαλώσει σε μια υποβαθμισμένη πόλη, παραβίασε την πίσω πόρτα, και με πέταξαν στο πάτωμα, ανάμεσα στα μπροστινά και τα πίσω καθίσματα. Μετά επέστρεψαν στο κτίριο, ούτε γάτα ούτε ζημιά.

Μετά από αρκετή ώρα, η θεία Ροζ μπήκε στο αυτοκίνητο της, γύρισε το κλειδί καμιά δεκαπενταριά φορές ώσπου να το βάλει μπρος, και ξεκίνησε σπινάροντας. Είναι φοβερή η φασαρία που κάνουν αυτά τ' αμάξια, άσε που έχεις την εντύπωση ότι τρέχουν του σκοτωμού και ταρακουνιέσαι όπως στα αυτοκινητάκια στα πανηγύρια.

Το πρόβλημα είναι ότι τη θεία Ροζ θα πρέπει να την έμαθε να οδηγεί κάποιος φίλος της κασκαντέρ!

жить в браке! Особенно после пятидесяти, когда позади множество испытаний.

Когда часы пробили десять, я по-настоящему осознал, что нынче Рождество, что я не смогу остаться с Пегги, потому что сейчас к ней в комнату явится ее семья - братья, дядя, племянники, кузены -, а мне предстоит терпеть моих родителей.

Что они подарят мне сегодня? Пазл из восемнадцати тысяч частей? Книги на курдском языке? Очередную коробку со способами употребления? Мой портрет тех времен, когда я был еще здоров? От двух подобных кретинов с куриными мозгами всякой опасности можно ожидать, с ними всего следует бояться, и ясно лишь одно: день мне предстоит дурацкий.

Я принял решение очень быстро: устроил себе побег. Кое-какой обмен: игрушки - Эйнштейну, перину - Копченому салу, конфеты - Попкорну. Кое-какие результаты наблюдений: Розовая мама перед уходом всегда заходит в раздевалку. Кое-какие предположения: мои родители до двенадцати не приедут.

Все прошло гладко: в одиннадцать тридцать Розовая мама меня расцеловала, пожелав счастливого Рождества с родителями, и спустилась в гардероб. Я свистнул. Попкорн, Эйнштейн и Копченое сало быстро меня одели, подняли и донесли до колымаги Розовой мамы, машины, сделанной явно до эпохи автомобилей. Попкорн, чрезвычайно одаренный по части взламывания замков, поскольку ему посчастливилось расти в неблагополучном квартале, легко открыл заднюю дверь, и они сгрузили меня на пол между передним и задним сидением. Потом, никем не замеченные, все трое вернулись в здание.

Спустя какое-то время, впрочем, не так скоро, в машину села Розовая мама. Мотор фыркал и чихал раз пятнадцать-двадцать, прежде чем она его завела, и, наконец, мы отправились на этом адском поезде. Эти доавтомобильные машины -- просто чудо, от них такой грохот, что кажется, будто едешь с большой скоростью, а подпрыгиваешь так, словно пришел на деревенскую ярмарку.

Проблема была в том, что Розовая мама научилась водить машину с помощью друга-

δεν υπολόγιζε ούτε φανάρια ούτε πεζοδρόμια ούτε προτεραιότητες, κόρναρε συνεχώς, χρησιμοποιούσε το πιο διδακτικό λεξιλόγιο για να βρίζει όσους εχθρούς έμπαιναν στον δρόμο της, κι εγώ σκεφτόμουν, γι' άλλη μια φορά, πόσο καλό σχολείο, μα την αλήθεια, πρέπει να 'ναι το κατς.

Σχεδιάζα, με το που θα φτάναμε, να πηδήξω πάνω και να της κάνω! «Κούκου, θεία Ροζ!», αλλά όπως αυτή η κούρσα μετ' εμποδίων για το σπίτι της κράτησε πολλή ώρα, αποκοιμήθηκα.

Με το που ξύπνησα, ήταν σκοτάδι, έκανε κρύο, είχε ησυχία και βρισκόμουν μόνος, ξαπλωμένος πάνω σ' ένα υγρό χαλί. Και τότε, για πρώτη φορά, σκέφτηκα ότι μπορεί και να 'χα κάνει βλακεία.

Μόλις βγήκα απ' το αυτοκίνητο, έπιασε να χιονίζει. Κι όμως, δεν ήταν τόσο ευχάριστο όσο το «Βαλς των νιφάδων» από τον Καρυοθραύστη. Χτυπούσαν τα δόντια μου.

Είδα ένα ψηλό, φωτισμένο σπίτι. Πήγα προς τα εκεί. Με δυσκολία. Έπρεπε να κάνω ένα τέτοιο πήδημα για να φτάσω το κουδούνι, που σωριάστηκε στο χαλάκι της πόρτας.

Εκεί με βρήκε η θεία Ροζ.

«Μα... μα...» ψέλλισε.

Ύστερα έσκυψε πάνω μου και ψιθύρισε!

«Χρυσό μου».

Τότε σκέφτηκα ότι μπορεί και να μην είχα κάνει βλακεία.

Με σήκωσε και με πήγε στο σαλόνι της, όπου ένα στολισμένο έλατο σου ανοιγόκλεινε τα μάτια. Εντυπωσιάστηκα όταν είδα τι ωραίο σπίτι είχε η θεία Ροζ. Με κάθισε κοντά στο τζάκι για να ζεσταθώ, κι ήπιαμε σοκολάτα. Φαντάστηκα ότι θα με μάλωνε αφού πρώτα σιγουρευόταν ότι ήμουνα καλά. Εγώ, πάντως, έκανα ό,τι μπορούσα για ν' αργήσω να συνέλθω, και δεν είχα καμία δυσκολία στο να τα καταφέρω, γιατί αυτό τον καιρό αισθάνομαι πολύ κουρασμένος.

«Όλο το νοσοκομείο σε ψάχνει, Όσκαρ. Έχει αναστατωθεί το σύμπαν. Οι γονείς σου είναι απελπισμένοι. Ειδοποίησαν την αστυνομία.»

κασκαдера: светофоры, тротуары, движение по кругу - все ей было нипочем, и время от времени тачка просто взлетала в воздух. В кабине pilota не все было спокойно, она часто сигналила, а используемый ею лексикон щедро служил обогащению моего: она жонглировала самыми ужасными словами, чтобы досадить врагам, то и дело встречающимся на ее пути, и я снова заметил для себя, что кетч -- отличная школа жизни.

Я предполагал, что вскочу и заору "Куку, Розовая мама", когда мы приедем, но гонка с препятствиями была такой долгой, что я по дороге заснул.

Как бы то ни было, проснулся я в темноте, в холоде и в тишине, обнаружив, что лежу в одиночестве на мокром коврике. Тут я в первый раз подумал, что, возможно, сделал глупость.

Я вышел из машины, и в это время пошел снег. Надо сказать, что это было не так приятно, как "Вальс снежинок" в "Щелкунчике". Зубы отстукивали сами собой, помимо моей воли.

Я увидел большой освещенный дом. Пошел к нему. Мне было плохо. Чтобы позвонить в звонок, пришлось прыгнуть так высоко, что я растянулся на подстилке.

Там и нашла меня Розовая мама.

- Но...но... -- пыталась она что-то сказать.

Потом склонилась надо мной и прошептала:

- Милый ты мой.

И тогда я подумал, что, возможно, и не сделал глупости.

Она отнесла меня в гостиную, где стояла и мигала огнями большая елка. Я очень удивился, увидев, как красиво было в доме Розовой мамы. Она согрела меня у огня, и мы выпили горячего шоколада. Я догадывался, что она хочет удостовериться, что со мной все в порядке, прежде чем меня отругать. Поэтому я старался продлить время, пока приду в себя, не так уж и нарочито, кстати, поскольку к этому моменту я ужасно устал.

- В больнице все тебя ищут, Оскар. Настоящее смятение на поле боя. Родители в отчаянии, они заявили в полицию.

<p>«Καμία εντύπωση δε μου κάνει. Αν είναι τόσο βλάκες ώστε να πιστεύουν ότι θα τους αγαπήσω όταν θα φορέσω χειροπέδες...»</p> <p>«Τι έχεις εναντίον τους;»</p> <p>«Με φοβούνται. Δεν τολμούν να μου μιλήσουν. Κι όσο δεν τολμούν αυτοί, τόσο εγώ πιστεύω ότι είμαι ένα τέρας. Γιατί τους τρομάζω; Τόσο άσχημος είμαι; Βρομάω; Έχω γίνει ηλίθιος χωρίς να το καταλάβω;»</p> <p>«Δε φοβούνται εσένα, Όσκαρ. Φοβούνται την αρρώστια.»</p> <p>«Η αρρώστια κι εγώ είμαστε ένα. Δεν πρέπει να μου συμπεριφέρονται διαφορετικά επειδή είμαι άρρωστος. Ή μήπως δεν μπορούν ν' αγαπήσουν παρά μόνο έναν Όσκαρ υγιή;»</p> <p>«Σ' αγαπάνε, Όσκαρ. Μου το 'χουν πει.»</p> <p>«Έχετε μιλήσει μαζί τους;»</p> <p>«Ναι. Ζηλεύουν που τα πάμε τόσο καλά μεταξύ μας. Ή μάλλον, όχι· δε ζηλεύουν — είναι στενοχωρημένοι... στενοχωρημένοι που δεν μπορούν να είναι κι αυτοί έτσι μαζί σου.»</p> <p>Σήκωσα αδιάφορα τους ώμους, αλλά ήδη ο πολύς θυμός μου είχε περάσει. Η θεία Ροζ μου έφτιαξε άλλη μια ζεστή σοκολάτα.</p> <p>«Ξέρεις κάτι, Όσκαρ; Μια μέρα, θα πεθάνεις. Αλλά και οι γονείς σου θα πεθάνουν.»</p> <p>Είχα εντυπωσιαστεί από τα λεγόμενα της. Αυτό, δεν το 'χα σκεφτεί ποτέ.</p> <p>«Ναι. Κι αυτοί θα πεθάνουν. Ολομόναχοι. Και με τις φοβερές τύψεις ότι δεν μπόρεσαν να συμφιλιωθούν με το μονάκριβο παιδί τους, τον Όσκαρ που λάτρευαν.»</p> <p>«Μη λέτε τέτοια πράγματα, θεία Ροζ — με μελαγχολούν.»</p> <p>«Σκέψου τους, Όσκαρ. Το έχεις καταλάβει ότι θα πεθάνεις, γιατί είσαι ένα πανέξυπνο αγόρι. Αλλά δεν έχεις καταλάβει ότι δεν πεθαίνεις μόνο εσύ. Όλος ο κόσμος πεθαίνει. Μια μέρα, θα πεθάνουν κι οι γονείς σου. Μια μέρα, θα πεθάνω κι εγώ.»</p> <p>«Ναι, αλλά εγώ θα πάω πρώτος.» «Έτσι είναι. Αυτό, όμως, τι σημαίνει; Ότι έχεις όλα τα δικαιώματα; Ακόμα και το δικαίωμα να ξεχνάς</p>	<p>- От них и этого можно ждать. Если они настолько глупы, что думают, будто в наручниках я стану любить их больше...</p> <p>- В чем ты их обвиняешь?</p> <p>- Они меня боятся. Не осмеливаются со мной разговаривать. И чем меньше осмеливаются, тем больше я кажусь себе чудовищем. Почему я навожу на них такой ужас? Разве я так уж безобразен? От меня воняет? Я сделался идиотом, и сам этого не понимаю?</p> <p>- Они боятся не тебя, Оскар. Они боятся болезни.</p> <p>- Моя болезнь - часть меня самого. Они не должны вести себя иначе из-за моей болезни. Или получается, что они могут любить лишь здорового Оскара?</p> <p>- Они любят тебя, Оскар. Они мне сказали.</p> <p>- Вы с ними разговаривали?</p> <p>- Да. Они очень ревнуют тебя ко мне. Нет, не ревнуют, печалются. Печалются потому, что у них нет с тобой такого же взаимопонимания.</p> <p>Я пожал плечами, но гнев мой чуть утих. Розовая мама сделала мне еще одну чашку горячего шоколада.</p> <p>- Знаешь, Оскар, однажды ты умрешь. Но ведь и твои родители тоже умрут.</p> <p>Меня удивило сказанное. Я никогда об этом не думал.</p> <p>- Да, они тоже умрут. Совсем одни. И с ужасными угрызениями совести, оттого что не смогли помириться с единственным ребенком по имени Оскар, которого они обожали.</p> <p>- Не говорите так, Розовая мама, вы меня вгоняете в тоску.</p> <p>- Подумай о них, Оскар. Ты понял, что скоро умрешь, потому что ты очень умный мальчик. Но ты не понял, что умрешь не ты один. Умирают все. И твои родители. И я в назначенный день.</p> <p>- Да. Но все же я прохожу первым.</p> <p>- Верно, ты проходишь первым. Но разве тот факт, что ты идешь первым, дает тебе</p>
---	---

<p>τους άλλους;»</p> <p>«Κατάλαβα, θεία Ροζ. Τηλεφωνήστε τους.» Τη συνέχεια, Θεέ, θα σ' την πω εν συντομία, γιατί πιάστηκε το χέρι μου. Η θεία Ροζ ειδοποίησε το νοσοκομείο, το νοσοκομείο ειδοποίησε τους γονείς μου, οι γονείς μου ήρθαν στις θείας Ροζ, και γιορτάσαμε τα Χριστούγεννα όλοι μαζί. Όταν ήρθαν οι γονείς μου, τους είπα:</p> <p>«Συγγνώμη... είχα ξεχάσει ότι κι εσείς μια μέρα θα πεθάνετε.»</p> <p>Κάτι πάθανε, δεν ξέρω τι ακριβώς, ακούγοντας αυτή τη φράση, αλλά μετά ξανάγιναν όπως παλιά, και περάσαμε ένα σουπερ ρεβεγιόν όλοι μαζί.</p> <p>Την ώρα του γλυκού, η θεία Ροζ θέλησε να δει στην τηλεόραση τη μεταμεσονύκτια Λειτουργία κι έναν αγώνα κατς που είχε γράψει στο βίντεο. Μας είπε ότι εδώ κι αρκετά χρόνια κρατάει έναν αγώνα κατς για να τον δει πριν τη μεταμεσονύκτια Λειτουργία, για να σταθεί στα πόδια της, ότι το 'χε έθιμο και θα την ευχαριστούσε πολύ αν τα βλέπαμε αυτά όλοι μαζί. Σε λίγο, παρακολουθήσαμε όλοι τον αγώνα που είχε γράψει.</p> <p>Ήταν υπέροχα! Η Μεφίστα εναντίον της Ζαν ντ' Αρκ! Μαγικό, περικνημίδες και φοβερές νταρντανογυναίκες, όπως έλεγε ο μπαμπάς που ήταν κατακόκκινος και φαινόταν ότι του άρεσε το κατς. Είναι απίστευτο το τι ξύλο έπεσε. Εγώ, σ' έναν τέτοιο αγώνα, θα τα 'χα φτύσει. Είναι θέμα προπόνησης, μου είπε η θεία Ροζ. Όσο πιο πολύ ξύλο τρως, τόσο πιο πολύ αντέχεις να φας. Πάντα πρέπει να ελπίζεις. Τελικά, κέρδισε η Ζαν ντ' Αρκ, ενώ στην αρχή φαινόταν απίστευτο: θα πρέπει να το χάρηκες.</p> <p>Χρόνια πολλά, Θεέ. Η θεία Ροζ, που μ' έβαλε να κοιμηθώ στο κρεβάτι του μεγάλου της γιου (ο μεγάλος της γιος είναι κτηνίατρος στο Κονγκό με τους ελέφαντες), έκρινε ότι το καλύτερο δώρο για τα γενέθλιά σου ήταν η συμφιλίωση μου με τους γονείς μου. Εγώ, για να είμαι ειλικρινής, το βρίσκω μικρό για δώρο. Αλλά αφού το λέει η θεία Ροζ που είναι και παλιά σου φίλη...</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p>	<p>дополнительные права? Право забывать о других, например?</p> <p>- Я все понял, Розовая мама. Позвоните им. Вот тебе, Господи, продолжение, в общих чертах, потому что рука устает писать. Розовая мама связалась с больницей, которая связалась с моими родителями, которые приехали к Розовой маме, и мы отпраздновали Рождество вместе. Когда приехали мои родители, я сказал им:</p> <p>- Простите меня, я забыл, что вы тоже однажды умрете.</p> <p>Может, эта фраза их раскрепостила, не знаю, но только они снова стали прежними, и мы провели прекрасную рождественскую ночь.</p> <p>На десерт Розовая мама захотела посмотреть по телевизору праздничную службу и записанный на кассете матч по кетчу. Она сказала, что вот уже много лет она перед мессой смотрит какой-нибудь матч, чтобы поставить себя на ноги; это привычка, которая ей доставляет удовольствие. В результате мы все смотрели поединок, который она выбрала на сей раз.</p> <p>Было классно. Мефиста против Жанны д'Арк. Купальник против кирасы! Славные бабенки! Как сказал папа, который стал совершенно красным; кажется, ему очень понравился кетч. Количество нанесенных ими ударов по лицу невообразимо. В подобной битве я бы уже тысячу раз умер. Вопрос тренированности, -- сказала мне Розовая мама. Чем больше ударов по лицу ты получаешь, тем больше ты можешь получать их впредь. Всегда надо надеяться на лучшее. В результате победила Жанна д'Арк, хотя поначалу в ее победу трудно было поверить: тебе, наверное, это приятно.</p> <p>Кстати, с днем рождения тебя, Господи. Розовая мама, которая уложила меня спать в постель своего старшего сына - он ветеринар в Конго, лечит слонов – подсказала мне, что мое примирение с родителями -- хороший подарок тебе на день рождения. Честно говоря, я-то считаю, что это подарка не заменяет, но раз Розовая мама, старая твоя подружка, так говорит...</p> <p>До завтра, целую, Όσκαρ</p>
--	--

Υ.Γ. Ξέχασα: η χάρη που σου ζητάω σήμερα, είναι να μείνουν οι γονείς μου όπως ήταν απόψε. Κι εγώ επίσης. Μια χαρά Χριστούγεννα ήταν αυτά, προπαντός ο αγώνας της Μεφίστα εναντίον της Ζαν ντ' Αρκ. Λυπάμαι που δεν έμεινα ξύπνιος για τη Λειτουργία σου.

Αγαπητέ Θεέ,

Έχω περάσει τα εξήντα και πληρώνω για όλες τις καταχρήσεις που έκανα χτες βράδυ. Δεν ήμουν σε μεγάλη φόρμα σήμερα.

Χάρηκα που γύρισα σπίτι... θέλω να πω, στο νοσοκομείο. Έτσι γίνεται όταν γερνάς! δε σ' αρέσουν πια οι μετακινήσεις. Είναι σίγουρο ότι δε θέλω πια να φύγω.

Αυτό που δεν σου είπα στο χτεςινό γράμμα μου, είναι ότι στο σπίτι της θείας Ροζ, πάνω σε μια εταζέρα, στη σκάλα, είδα ένα άγαλμα της Πέγκι Μπλου. Στ' ορκίζομαι. Ολόιδια, γύψινη, με το ίδιο γλυκό πρόσωπο, το ίδιο μπλε χρώμα στα ρούχα και στο δέρμα. Η θεία Ροζ λέει ότι είναι η Παναγία (η μητέρα σου, απ' ό,τι κατάλαβα) κι ότι έφτασε στα χέρια της από γενιά σε γενιά. Δέχτηκε να μου τη χαρίσει. Την έβαλα πάνω στο κομοδίνο μου. Έτσι κι αλλιώς, μια μέρα θα ξαναπάει στην οικογένεια της θείας Ροζ, αφού την έχω υιοθετήσει.

Η Πέγκι Μπλου πάει καλύτερα. Ήρθε και με είδε με το καροτσάκι. Δε συμφώνησε μαζί μου ότι είναι εκείνη στο άγαλμα, αλλά περάσαμε ωραία μαζί. Κρατιόμασαν χέρι-χεράκι κι ακούγαμε τον Καροθραύστη, κι αυτό μάς θύμιζε ωραίες εποχές.

Δε σου γράφω πια πολλά, γιατί το στιλό μου πέφτει λίγο βαρύ. Εδώ, όλος ο κόσμος είναι άρρωστος, ακόμα κι ο γιατρός Ντίσελντορφ. Φταίνε οι σοκολάτες, τα φουαγκρά, τα μαρόν-γκλασέ και οι σαμπάνιες που πρόσφεραν οι γονείς στο νοσηλευτικό προσωπικό. Πολύ θα 'θελα να μού κάνεις μια επίσκεψη.

Φιλάκια. Τα λέμε, Οσκαρ.

Αγαπητέ Θεέ,

P.S. Забыл сказать желание: пусть мои родители всегда будут, как сегодня. И я тоже. Это было замечательное Рождество, особенно поединок Мефисты с Жанной. Прости, но мессу я не посмотрел, выключил раньше.

Дорогой Бог,

мне минуло шестьдесят, и я плачу по счетам за все допущенные вчера вечером злоупотребления. Не в очень хорошей форме я сегодня.

К себе в больницу я вернулся с удовольствием. К старости оно всегда так, путешествия уже не радуют. Желания отсюда уходить больше нет.

Чего я не успел сказать тебе во вчерашнем письме, так это о статуэтке Пегги Блю, которую я увидел вчера в доме Розовой мамы на полочке, над лестницей. Клянусь тебе. В точности она, из гипса, одежда и кожа -- голубого цвета. Розовая мама считает, что это Дева Мария, твоя мать, как я понял, и объект поклонения для нескольких поколений, живших в этом доме. Она согласилась подарить статуэтку мне. Я поставил ее на столик у изголовья. В любом случае она вернется потом к Розовой маме, раз я ее усыновил.

Пегги Блю чувствует себя лучше. Она приезжала в кресле ко мне с визитом. В статуэтке она себя не узнала, но мы прекрасно провели вместе время. Слушали "Щелкунчика", взявшись за руки, что напомнило нам прекрасное прошлое.

Не стану продолжать дольше, потому что ручка, пожалуй, тяжеловата. Здесь все болеют, даже доктор Дюссельдорф - из-за шоколада, гусяного паштета, жареных каштанов и шампанского, которым родители в массовом порядке угощали лечащий персонал. Мне бы очень хотелось, чтобы ты ко мне пришел.

Целую, до завтра, Оскар

Дорогой Бог,

Σήμερα έγινα ογδόντα χρονών και σκέφτηκα πάρα πολύ.

Πρώτα απ' όλα, χρησιμοποίησα το χριστουγεννιάτικο δώρο της θείας Ροζ. Σού μίλησα ποτέ γι' αυτό; Δε θυμάμαι. Είναι ένα φυτό της Σαχάρας που ζει μόνο μία μέρα. Μόλις ο σπόρος πιει νερό, μπουμπουκιάζει, γίνεται μίσχος, βγάζει φύλλα, πετάει ένα λουλούδι, παράγει σπόρους, μαραίνεται, και χοπ, το βράδυ, τέλος.

Καταπληκτικό δώρο — σ' ευχαριστώ που το δημιούργησες. Σήμερα το πρωί, στις επτά, το ποτίσαμε η θεία Ροζ, οι γονείς μου κι εγώ (δεν ξέρω αν σ' το 'χω πει! οι γονείς μου αυτόν τον καιρό μένουν στις θείας Ροζ γιατί το σπίτι της είναι πιο κοντά στο νοσοκομείο) κι έτσι μπόρεσα να παρακολουθήσω όλη του τη ζωή. Συγκινήθηκα.

Δε λέω, το λουλούδι είναι μάλλον καχεκτικό και λίγο αστείο, δεν είναι σαν το μπαομπάμπ, αλλά τη δουλειά του την κάνει μια χαρά, σαν μεγάλο φυτό, μπροστά στα μάτια μας και μέσα σε μια μέρα.

Παρέα με την Πέγκι Μπλου διαβάσαμε το Λεξικό Ιατρικών Όρων. Είναι το αγαπημένο της βιβλίο. Έχει πάθος με τις αρρώστιες κι αναρωτιέται τι αρρώστια μπορεί να της έρθει μετά. Εγώ έψαξα για τις λέξεις που μ' ενδιέφεραν! «Ζωή», «Θάνατος», «Πίστη», «Θεός». Ε, θέλεις με πιστεύεις, θέλεις δε με πιστεύεις, δεν υπήρχαν! Τι σημαίνει αυτό; Να σου πω τι σημαίνει αυτό. Σημαίνει ότι ούτε η ζωή, ούτε ο θάνατος, ούτε η πίστη, ούτε εσύ είστε αρρώστιες, κάτι που μάλλον είναι καλό νέο. Από την άλλη, όμως, δε θα 'πρεπε, σ' ένα τόσο σοβαρό βιβλίο, να υπάρχουν και απαντήσεις στις πιο σοβαρές ερωτήσεις;

«Θεία Ροζ, μου φαίνεται ότι στο Λεξικό Ιατρικών Όρων υπάρχουν μόνο ειδικά θέματα και απαντήσεις σε προβλήματα που μπορούν να συμβούν στον καθένα μας χωριστά, αλλά δεν υπάρχουν θέματα που μας αφορούν όλους! η Ζωή, ο Θάνατος, η Πίστη, ο Θεός.»

«Ίσως θα 'πρεπε να πάρεις ένα φιλοσοφικό λεξικό, Όσκαρ. Ωστόσο, ακόμα κι αν βρεις τις ιδέες που ψάχνεις, και πάλι κινδυνεύεις να απογοητευτείς. Το λεξικό προτείνει πολλές και διάφορες ερμηνείες για κάθε έννοια.»

«Πώς γίνεται αυτό;»

сегодня мне между семьюдесятью и восьмьюдесятью, и я много о чем передумал.

Во-первых, я использовал рождественский подарок Розовой мамы. Не знаю, говорил ли я тебе о нем? Это растение из Сахары, которое всю свою жизнь проживает в един-единственный день. Стоит только зернышко полить водой, как оно дает побег и почки, потом листья, у него появляется цветок и сразу же - семена, и вот уже растение увядает, сморщивается и - хоп! - вечером все уже кончено.

Подарок просто гениальный, спасибо тебе, что ты его изобрел. Сегодня утром, в семь часов мы его полили -- я, Розовая мама и мои родители, не помню, сказал я тебе или нет, что родители живут теперь у Розовой дамы, от нее сюда ближе - и я смог проследить всю его жизнь.

Правда, растение довольно хилое и цветочек -- жалкий, уж с баобабом никак не сравнится, но оно мужественно проделало свою работу на наших глазах, в течение одного дня, без остановок. Как настоящее, большое растение.

С Пегги Блю мы долго читали медицинский словарь. Это ее любимая книга. Она увлекается болезнями и все время задает себе вопрос, с какими из них ей придется еще встретиться. А я посмотрел на те слова, которые меня интересуют: "Жизнь", "Смерть", "Вера", "Бог". Хочешь верь, хочешь нет, но их там не было! Заметь, что одно это означает, что ни жизнь, ни смерть, ни вера, ни ты - не болезни. Новость, скорее хорошая. Но ведь в достаточно серьезной книге должны же быть ответы на самые серьезные вопросы, а?

- Розовая мама, мне кажется, в медицинском словаре имеются только частные случаи, проблемы, с которыми может встретиться тот или другой человек. Но нет того, что касается всех -- Жизнь, Смерть, Вера, Бог.

- Наверное, лучше было бы взять философский словарь, Оскар. Однако, если даже ты найдешь в нем понятия, которые ищешь, тебя скорее всего ждет разочарование: ответов и толкований множество, и они разные.

- Как такое может быть?

<p>«Οι πιο ενδιαφέρουσες ερωτήσεις παραμένουν ερωτήσεις. Περιβάλλονται από μυστήριο. Σε κάθε απάντηση πρέπει να προσθέτουμε ένα "ίσως". Οριστική απάντηση έχουν μόνο οι ερωτήσεις που δεν παρουσιάζουν κανένα ενδιαφέρον.»</p> <p>«Θέλετε να πείτε ότι για τη "Ζωή" δεν υπάρχει λύση;»</p> <p>«Θέλω να πω ότι για τη "Ζωή" υπάρχουν πολλές λύσεις και, άρα, καμία.»</p> <p>«Εγώ, αυτό που πιστεύω, θεία Ροζ, είναι ότι η μόνη λύση για τη ζωή είναι το να ζεις.»</p> <p>Πέρασε να μας δει ο γιατρός Ντίσελντορφ. Ήταν σαν σκυλί δαρμένο, κι αυτό το έδειχναν ακόμα πιο έντονο τα μαύρα φρύδια του.</p> <p>«Τα χτενίζετε τα φρύδια σας, γιατρέ;» τον ρώτησα.</p> <p>Κοίταξε γύρω του με απορία, σαν να 'θελε να ρωτήσει τη θεία Ροζ ή τους γονείς μου αν είχε ακούσει καλά. Στο τέλος, είπε ναι με πνιχτή φωνή.</p> <p>«Δεν πρέπει να έχετε τέτοια μούτρα, γιατρέ. Ακούστε. .. Θα σας μιλήσω ειλικρινά, γιατί και εγώ ήμουν πολύ εντάξει στα φάρμακα, κι εσείς στην αντιμετώπιση της αρρώστιας. Μην έχετε ένοχο ύφος. Δεν είναι δικό σας λάθος αν είστε υποχρεωμένος να λέτε τα κακά νέα στον κόσμο, όλες αυτές τις ανίατες αρρώστιες με τα λατινικά ονόματα.</p> <p>Πρέπει να χαλαρώσετε... να ηρεμήσετε.</p> <p>Δεν είστε Θεός. Δεν κυβερνάτε εσείς τη φύση. Εσείς είστε ένας απλός επισκευαστής. Μη δίνετε τόση σημασία, γιατρέ, γιατί, αλλιώς, δε σας βλέπω να συνεχίσετε αυτό το επάγγελμα για πολύ καιρό. Αν βλέπατε τα μούτρα σας...»</p> <p>Όσην ώρα με άκουγε, ο γιατρός Ντίσελντορφ είχε ένα στόμα σαν να ρουφούσε ένα αβγό. Μετά χαμογέλασε, χαμογέλασε μέσα απ' την καρδιά του, και με φίλησε.</p> <p>«Έχεις δίκιο, Όσκαρ. Σ' ευχαριστώ που μου τα είπες όλα αυτά.»</p> <p>«Παρακαλώ, γιατρέ. Στη διάθεση σας. Μπορείτε να ξανάρθετε όποτε θέλετε.»</p>	<p>- Самые интересные вопросы остаются вопросами. В них содержится тайна. К каждому ответу следует всегда добавлять "возможно". Только мало значительные вопросы имеют окончательные ответы.</p> <p>- Вы хотите сказать, что у "Жизни" нет решения?</p> <p>- Я хочу сказать, что у "Жизни" -- множество решений, а, следовательно, нет единого решения.</p> <p>- А я думаю, Розовая мама, что единственное решение у жизни - это жить.</p> <p>Зашел к нам доктор Дюссельдорф. Он по-прежнему похож на побитую собаку, что в сочетании с огромными черными бровями делает его внешность весьма выразительной.</p> <p>- А вы причесываете брови, доктор Дюссельдорф? -- спросил я.</p> <p>Он огляделся в изумлении, как будто спрашивал у Розовой мамы, у моих родителей, не ослышался ли он. Кончилось тем, что он ответил "да" сдавленным голосом.</p> <p>- Смените выражение лица, доктор Дюссельдорф. Послушайте, я буду говорить абсолютно откровенно, потому что я всегда был исполнительным в отношении лекарств, а вы были безупречны по отношению к болезни. Оставьте ваши виноватые интонации. Не ваша вина, если вы должны сообщать людям дурные вести о болезнях с латинскими названиями и о невозможности исцеления.</p> <p>Расслабьтесь, сгоните заботу с лица.</p> <p>Вы не Бог-отец. Не вы управляете природой. Вы только ремонтируете. Отрешились, умерьте напряжение, не берите на себя больше, чем можете взять, иначе вы долго на вашем месте не протянете. Посмотрите на себя.</p> <p>Слушая меня, доктор Дюссельдорф разинул рот так, словно должен проглотить яйцо. Потом он улыбнулся настоящей улыбкой и меня поцеловал.</p> <p>- Ты прав, Оскар. Спасибо, что мне это сказал.</p> <p>- Не за что, доктор. К вашим услугам. Заходите, когда захотите.</p>
--	--

<p>Αυτά, Θεέ. Εσένα, όμως, ακόμα σε περιμένω. Έλα. Μη διστάζεις. Έλα, ακόμα κι αν έχω πολύ κόσμο αυτόν τον καιρό. Θα χαρώ πραγματικά πολύ.</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Η Πέγκι Μπλου έφυγε. Γύρισε σπίτι της. Δεν είμαι χαζός... ξέρω πολύ καλά πως δε θα την ξαναδώ.</p> <p>Δε θα σου γράψω, γιατί είμαι πολύ στενοχωρημένος. Η Πέγκι κι εγώ περάσαμε μαζί μια ολόκληρη ζωή, και τώρα να 'μαι πάλι μόνος, φαλακρός, ξεκούτης, κουρασμένος στο κρεβάτι μου. Είναι άσχημα τα γηρατειά.</p> <p>Σήμερα δεν σ' αγαπώ πια. Όσκαρ.</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Ευχαριστώ που ήρθες.</p> <p>Διάλεξες την καλύτερη στιγμή, γιατί είχα τα χάλια μου. Ίσως και να σε πείραξε το χτεσινό μου γράμμα...</p> <p>Όταν ξύπνησα, αναλογίστηκα ότι ήμουν ενενήντα χρονών, κι έστρεψα το κεφάλι προς το παράθυρο για να δω το χιόνι.</p> <p>Και τότε κατάλαβα ότι ερχόσουν. Ήταν πρωί. Ήμουν μόνος πάνω στη Γη. Ήταν τόσο ωρίς, που τα πουλάκια ακόμα κοιμόνταν, που η νυχτερινή νοσοκόμα, η κυρία Ντικρί, έπαιρνε ακόμα τον υπνάκο της, που εσύ προσπαθούσες να φτιάξεις το ξημέρωμα. Ζορίζόσουν, αλλά επέμενες. Ο ουρανός ξεθώριαζε. Γέμιζες την ατμόσφαιρα με άσπρο, με γκρίζο, με γαλάζιο, έδιωχνες τη νύχτα, ξυπνούσες τον κόσμο. Χωρίς σταματημό. Και τότε κατάλαβα σε τι διαφέρεις απ' όλους εμάς! είσαι ακατάβλητος! Είσαι αυτός που δεν κουράζεται ποτέ. Πάντα στη δουλειά. Και να η μέρα! Και να η νύχτα! Και να η άνοιξη! Και να ο χειμώνας! Και να η Πέγκι Μπλου! Και να ο Όσκαρ! Και να η θεία Ροζ! Τι υγεία!</p> <p>Κατάλαβα ότι ήσουν εδώ· ότι μού 'λεγες το μυστικό σου! Κοίτα κάθε μέρα τον κόσμο σαν να</p>	<p>Вот, Господи. Зато твоего визита я продолжаю ждать. Приди. Не сомневайся. Заходи, даже если у меня будет народ в это время. Я, правда, буду очень рад.</p> <p>До завтра, целую, Оскар</p> <p>Дорогой Бог,</p> <p>Пегги Блю уехала. Вернулась к себе домой, к родителям. Я не идиот, и знаю, что никогда больше ее не увижу. Не стану больше писать, потому что мне очень грустно. Мы вместе прожили целую жизнь, Пегги и я, а теперь я совсем один, лысый, в старческом слабоумии и уставший лежать в своей кровати. Как отвратительна старость.</p> <p>Сегодня я больше не люблю тебя. Оскар</p> <p>Дорогой Бог,</p> <p>благодарю за то, что ты пришел.</p> <p>Ты точно выбрал момент, потому что со мной не все благополучно. Возможно, ты обиделся на мое вчерашнее письмо...</p> <p>Когда я проснулся, то подумал, что мне уже девяносто лет, и повернул голову к окошку -- посмотреть на снег.</p> <p>И тогда я угадал, что ты пришел. Было утро. Я был один на Земле. Было так рано, что птицы еще спали, и даже ночная сиделка мадам Дюкрю давала храпока. Ты же пытался устроить рассвет. Тебе было трудно, но ты настаивал. Небо бледнело. Ты вдувал в воздух белое, серое, голубое, заталкивал ночь, возвращал мир к жизни. И не прекращал ни на минуту. И тогда я понял разницу между тобой и нами: ты парень неутомимый! Ты не устаешь. Всегда за работой! И вот вам день! И вот вам ночь! Теперь весна! Теперь зима! А вот Пегги Блю! А вот Оскар! И Розовая мама! Какое здоровье!</p> <p>Я понял, что ты здесь. Что ты раскрыл мне свой секрет: смотри всегда на мир</p>
---	---

<p>΄ταν η πρώτη φορά.</p> <p>Ε λοιπόν, την ακολούθησα τη συμβουλή σου: ΄σαν να ΄ταν η πρώτη φορά. Κοίταζα το φως, τα χρώματα, τα δέντρα, τα πουλιά, τα ζώα. Ένιωθα τον αέρα να περνάει μέσα απ΄ τα ρουθούνια μου, να εισπνέω. Άκουγα τις φωνές που έρχονταν απ΄ το διάδρομο σαν απ΄ το θόλο μιας εκκλησίας. Ζούσα. Ριγούσα από χαρά. Η ευτυχία της ύπαρξης. ΄Ημουν μαγεμένος.</p> <p>Σ΄ ευχαριστώ, Θεέ, που το ΄κανες αυτό για χάρη μου. Αισθανόμουν ότι με είχες πάρει από το χέρι και με οδηγούσες στην καρδιά του μυστηρίου για ν΄ αντικρίσω το μυστήριο. Ευχαριστώ.</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p> <p>Υ.Γ. Η σημερινή χάρη που σου ζητάω: αυτό το κόλπο με την «πρώτη φορά», μήπως μπορείς να το ξανακάνεις στους γονείς μου; Η θεία Ροζ, νομίζω ότι το ξέρει ήδη. Και μετά, αν έχεις χρόνο, και στην Πέγκι...</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Σήμερα είμαι εκατό χρονών. Όσο και η θεία Ροζ. Κοιμάμαι πολύ, αλλά αισθάνομαι καλά.</p> <p>Προσπάθησα να εξηγήσω στους γονείς μου ότι η ζωή είναι ένα περίεργο δώρο. Στην αρχή, το υπερεκτιμάμε αυτό το δώρο: πιστεύουμε ότι αποκτήσαμε την αιώνια ζωή. Μετά, το υποτιμάμε: το βρίσκουμε χάλια, πολύ μικρό, είμαστε σχεδόν έτοιμοι να το πετάξουμε. Στο τέλος, καταλαβαίνουμε ότι δεν ήταν δώρο, αλλά δάνειο. Και τότε, προσπαθούμε να το αξιοποιήσουμε. Το λέω εγώ, που ξέρω τι λέω, γιατί έχω πατήσει τα εκατό. Όσο γερνάμε, τόσο πρέπει να δείχνουμε ότι έχουμε το χάρισμα να εκτιμήσουμε τη ζωή. Πρέπει να εκλεπτονόμαστε, να γινόμαστε καλλιτεχνικές φύσεις. Κάθε κρετίνοσ μπορεί να απολαμβάνει τη ζωή στα δέκα ή στα είκοσι, αλλά στα εκατό, όταν δεν μπορεί πια να κουνηθεί, πρέπει να χρησιμοποιεί την εξυπνάδα του.</p> <p>Δεν ξέρω αν τους έπεισα.</p> <p>Κάν΄ τους μια επίσκεψη. Αρχισες μια δουλειά; Τέλειωσε την. Εγώ είμαι λίγο κουρασμένος.</p> <p>Τα λέμε. Φιλάκια, Όσκαρ.</p>	<p>так, будто это в первый раз.</p> <p>Тогда я последовал твоему совету и приложил старание. Впервые. Я созерцал свет, краски, деревья, птиц, животных. Я ощущал воздух ноздрями, я вдыхал его. Слышал голоса в коридоре, как будто под сводами собора. Чувствовал, что живу. И дрожал от чистой радости. Счастье бытия. Я был восхищен.</p> <p>Спасибо, Господи, что сделал это для меня. Мне казалось, ты взял меня за руку и ведешь в самое сердце тайны -- созерцать тайну. Благодарю.</p> <p>До завтра, целую, Оскар</p> <p>P.S. Мое желание: можешь ли ты сделать то же самое (взглянуть, как в первый раз) для моих родителей? Розовая мама, думаю, через это уже прошла. А вот для Пегги тоже хотелось бы, если у тебя будет время.</p> <p>Дорогой Бог,</p> <p>мне стукнуло сто. Я много сплю, но чувствую себя хорошо.</p> <p>Пытался объяснить родителям, что жизнь - странный дар. Вначале мы его переоцениваем: думаем, что получили в вечное пользование. Затем недооцениваем, находя жизнь слишком короткой и несовершенной, и чуть ли не готовы от нее отказаться. Наконец, осознаем, что это был вовсе не дар, а только кредит. И тогда пытаемся его заслужить. Мне сто лет, и я знаю, о чем говорю. Чем ты старше, тем лучше должен быть твой вкус, чтобы оценить жизнь. Ты должен сделаться рафинированным, артистичным. Любой кретин может наслаждаться жизнью в десять или в двадцать лет, но в сто лет, когда и двигаться уже не можешь, необходимо использовать свой интеллект.</p> <p>Не знаю, убедил ли я их.</p> <p>Навести их. Работа окончена. Я немного устал.</p> <p>До завтра, целую, Оскар</p>
--	---

<p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Εκατόν δέκα. Πολύ δεν είναι; Νομίζω πως αρχίζω να πεθαίνω.</p> <p>Όσκαρ.</p> <p>Αγαπητέ Θεέ,</p> <p>Το αγοράκι πέθανε.</p> <p>Θα συνεχίσω να είμαι μια ροζ κυρία, αλλά δε θα ξαναείμαι ποτέ θεία Ροζ. Θεία Ροζ ήμουν μόνο για τον Όσκαρ.</p> <p>Ξεπύχησε σήμερα το πρωί, τη μισή ώρα που οι γονείς του κι εγώ είχαμε πάει για να πιούμε έναν καφέ. Το 'κανε όταν λείπαμε. Νομίζω ότι περίμενε τη συγκεκριμένη στιγμή για να μας απαλλάξει. Σαν να 'θελε να μάς προστατέψει από το να τον δούμε, να φεύγει. Βλέπεις, τελικά εκείνος πρόσεχε εμάς.</p> <p>Η καρδιά μου είναι βαριά, σφιγμένη. Ο Όσκαρ μένει στην καρδιά μου και δεν μπορώ να τον διώξω. Πρέπει να κρατηθώ και να μην κλάψω ως το βράδυ, γιατί ο πόνος μου δε συγκρίνεται με τον αζεπέραστο των γονιών του.</p> <p>Σ' ευχαριστώ που μου γνώρισες τον Όσκαρ. Χάρη στον Όσκαρ έλεγα αστεία, έφτιαχνα ιστορίες, γινόμουν ακόμα και παλαίστρια. Χάρη στον Όσκαρ γέλασα και γνώρισα τη χαρά. Με βοήθησε να πιστέψω σε σένα. Είμαι γεμάτη αγάπη, φλέγομαι από αγάπη, μου 'δωσε τόσο πολλή, που θα έχω για όλη μου τη ζωή.</p> <p>Τα ξαναλέμε σύντομα, Θεία Ροζ.</p> <p>Υ. Γ. Τις τρεις τελευταίες μέρες, ο Όσκαρ είχεβάλει μια καρτέλα πάνω στο κομοδίνο του. Νομίζω ότι σε αφορά. Είχε γράψει: «Μονάχα ο Θεός έχει το δικαίωμα να με ξυπνήσει».</p>	<p>Дорогой Бог,</p> <p>сто десять лет. Уж очень много. Думаю, что начинаю умирать.</p> <p>Оскар</p> <p>Дорогой Бог,</p> <p>мальчик умер.</p> <p>Теперь я по-прежнему останусь Розовой дамой, но никогда больше не буду Розовой мамой. Я была ею только для Оскара.</p> <p>Угас за полчаса сегодня утром, пока мы с его родителями отлучились, чтобы выпить кофе. Он сделал это без нас. Думаю, специально выбрал момент, дабы нас пощадить. Как будто хотел уберечь от горя при виде его ухода. Фактически он дежурил возле нас, а не мы возле него. У меня на сердце тяжело, у меня на душе тяжело. Там живет Оскар, и я не могу его забыть. Надо бы повременить со слезами до вечера, потому что я не хочу сравнивать свою боль с неутолимой печалью его родителей. Спасибо, что познакомил меня с Оскаром.</p> <p>Благодаря ему я была забавной, придумывала всякие небылицы, оказалась даже знатоком кетча. Он помог мне верить в тебя. Я полна любви, она сжигает меня, он столько дал мне, что этого хватит на многие годы вперед.</p> <p>До скорого, Розовая мама</p> <p>P.S. В последние три дня Оскар вывесил плакат над своим столиком в изголовье. Думаю, он касается тебя. Там было написано: "Только Богу дано право меня разбудить".</p> <p>2002 год</p>
--	--

real-greece.ru